

ТЁМНОЕ ФЭНТЕЗИ
РОУЗ РОЙС

ВНАЧАЛЕ
БЫЛИ
МЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роуз Ройс

Вначале были мы

<https://litres.ru/74068328>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть такая любовь, что изначально была предначертана. И только она способна связать любящих единой нитью, ведущей к одной судьбе даже тогда, когда они обрекут любовь в ненависть. Может пройти множество сотен лет и их пути разветвятся в противоположности, но сила предначертанной любви не может пройти. Такая связь лишь окрепнет, сжимая до такой невыносимости, что двое становятся одним, перенимая друг у друга свойственные черты, манеры и привычки, чувствуя в равной степени то, что происходит с каждым из них не только душой, но и телом. Это история, исход которой у её истоков. История, чтобы завершить которую, необходимо услышать тех, кто бы в её начале.

©~©

«Вначале были мы»

Тёмное фэнтези

Роуз Ройс

Содержание

Пролог	4
Глава I : Река Эдема, Истоки	6
Глава II: Тьма	14
Глава III: Сила	22
Глава IV: Брошенная Отцом	42
Глава V: Свет и Тьма	53
Глава VI: Обряд	74
Глава VII: Слияние Истоков	85
Глава VIII: Обречение	91
Глава IX: Я разрушу мост	102
Глава X: Так тянулись века	109
Глава XI: Там, где всегда утренняя свежесть	114
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Роуз Ройс

Вначале были мы

Пролог

— Пройшла бы ты по этому мосту ещё раз? - Теперь он говорил без той самой присущей ему и ненавистой мне лукавой улыбки. Сейчас его лицо закаменело также, как и это место, для уверенности в этом мне не нужно было смотреть на него. Наши взгляды утопали в одном направлении. И не только в данный момент. Этой фразой можно было описать наши отношения в принципе.

Моя шея лежала в его ладони. Он, стоя на коленях, приподнимал мою голову так, чтобы подбородок не касался воды, однако, мои волосы уже были частью речного течения. Тело камнем лежало на незначительной глубине. Позвоночник разламывало на части.

— Если бы я захотела ступить на этот дьявольский мост ещё хоть раз, то не развела бы его. - Это была леденящая душу фраза. Леденящая, как эта река. И до сих пор убивающая, как то самое леденящее решение, которое я приняла сотни тысяч лет назад.

Последовал тяжёлый выдох. Нас окутал туман. Сильная рука с разочарованием постепенно начала опускать мою го-

лову. Я продолжала смотреть на мост, ВНОВЬ соединяющий между собой две, с трудом разъединенные мной противоположности, даже тогда, когда мои глаза оказались под водой.

Я становилась рекой.

Он растворился в тумане.

Глава I : Река Эдема, Истоки

Нет ничего страшнее, чем брошенная Отцом Дочь и преданная мужчиной жена. Такая женщина, замученная своей болью и сломленная ей, становится холоднее стали, острее меча, способного убить даже то, что ранее она называла Святым. Отныне, она женщина – воин. Женщина, которая была убита мной. Воин, который родился для того, чтобы убить меня. Именно мне начинать повествование истории моей Дочери, от её начала до её конца, но далее за меня будет говорить моя Клятва, которую я дал всему живому, что создал. Эдем. Райский Сад, который был закрыт для живых после предательства моих Детей грехам, никогда более не был домом ни для одного из всех моих Детей. Я разрушил всё, что было Святым, но оставил Детям Эдемскую Реку, поделив её на четыре русла четырёх сторон Земли. Это стало последним подарком людям, последний Святой Источник для каждого моего Ребёнка и моя, данная им, Клятва о спасении их душ. На этом я исчез и более никогда не вмешивался в людскую жизнь, лишь ждал, когда настанет и моё время отвечать за свои грехи. Ждал, когда Клятва настигнет своего Отца – Создателя. И я дождался возвращения своей Клятвы.

— Господь – Отец.

Я повествую тебе свою историю с самого её начала. Но, если бы я рассказала тебе всё, что было со мной в этой дли-

тельной жизни, то нам не хватило бы и всего твоего смертного времени. Я буду говорить то, как помню и так, как тогда это понимала и как чувствовала.

Прежде, чем я начну, предупрежу тебя о том, что раньше не было ни времени, ни объяснений. Я буду стараться раскрыть для тебя свою историю, дополняя непонятное прошлое уже известными и объяснимыми фактами, добавляя их в своё повествование. Так тебе будет немного легче. И не злись, если иногда мое повествование будет обрываться без обоснования. Я слишком стара, чтобы помнить абсолютно всё и слишком многое истинно хотела забыть. Но я даю своё обещание, что самое главное ты узнаешь, мой милый читатель. — Ведающая.

Райская Река рождалась из зияющей раны на месте Божьего Сада – Эдема. Когда-то здесь возвышалась неприступная скала, но воды, взращенные внутри самого Рая, высвободили свою первородную Силу, пробивая себе путь. Словно неутолимая жажда, они веками просачивались сквозь камень, разрушая преграду изнутри, пока не явили миру Реку. Отсюда её русло разделялось на четыре священных Истока: Фисон, Гихон, Евфрат и Хиддекель. Именно здесь, под сенью чёрного каменного моста, изогнувшегося идеальным полукругом над бездонной тьмой воды, стояла я.

– Вот и в жизни так же, Вирсавия, – вдруг произнесла Бабушка, беря меня за руку. – Чтобы обрести истинную Силу, нужно обладать несокрушимым упорством, безгранич-

ным терпением и непоколебимой верой.

Бабушка умела видеть в природе живую душу, скрытую от глаз остальных. Она плела невидимые нити между природой и человеком, её чувственность была острой и пронзительной. Слова её, словно тёплый мёд, растекались по израненному сердцу, заполняя его шрамы сладостью, которая со временем застывала, превращаясь в прочный янтарный клей, позволяющий жить дальше, не чувствуя прежней боли. Это был её дар. Прекрасный и благой. Дар Ведающей Эдемской Реки, унаследованный от одного из её Истоков.

Господь – Отец сотворил нас после того, как Эдем опустел. Врата его были навеки заперты для человека, и стерегли их Херувимы с огненными мечами. Бог был предан своими Детьми и более не доверял им вход в Рай. Но Реку, что текла внутри него, созданную для орошения Райских Садов, охраняем мы – ниспосланные Ведающие. О реке Эдема людям неведомо ничего, ведь Адам и Ева, вкусив смертности, покинули этот мир, а ни один другой человек никогда не переступал и не переступит через врата Рая, расположенного на Земле. И некому было разносить слухи.

Еще до нашего появления на Земле, слева от Эдема, хребтом возвышалась скала, ограждающая Райскую территорию от мира смертных. Она не позволяла ни единой капле Божественной воды просочиться к людям, лишая их доступа к её Силе. Но безупречная, всепрощающая любовь Бога веками просачивалась сквозь завесу Тьмы, размывая под скалой

проход, образуя мост. Бог простил своих Детей, и, несмотря на то, что Эдем был для них закрыт, он послал им свою любовь в виде вод Божественной реки, являя тем самым своё прощение. Лишь Ведающим известно, что по руслам Эдемской реки течёт Божественная Вода, несущая в себе неиссякаемую и безграничную Силу Всевышнего. Первые люди и не подозревали о её возможностях. Она питает корни Райского Дерева, а значит, способна даровать бессмертие. Река была кристально чистой, словно зеркало, отражающее подобие человека Создателю. Но это было до Грехопадения. Теперь же воды реки, что омывала первое пристанище человечества, разделились на четыре русла и одно из них стало тёмным, символизируя наступившую смертность тех, кто дерзнул вкусить запретный плод, и в наказание был лишён вечной жизни, выбрав другую, Тёмную сторону.

Об истинной Силе реки Эдема было изначально поведано самой старшей и мудрой из нас – Татиане, моей земной Бабушке. Она – первая Ведающая, от образа которой Господь создал нас, её последовательниц: мою земную маму Еврелию и меня, её дочь, Вирсавию.

Татиана находилась на Земле дольше всех и знает больше всех. Она стала хранительницей не только Гихона, но и самих знаний о Райской реке Эдема, даже от нас. Бог доверил ей оберегать тайны Воды от человеческого разума и допускать к ведению лишь тех, кто в них нуждается. В её владения была отдана река Гихон. Вода этой реки обладала величай-

шей Силой знаний. Стоило человеку сделать глоток, как пелена грешных помыслов спадала с его глаз, разум очищался, сердце наполнялось безмятежным покоем. Напившийся воды из реки Гихон отныне знал, как жить Светлой жизнью, сам нёс в себе Свет своих знаний и распространял их на своём пути. Его озаряли чистые помыслы и идеи, воплощая которые, он мог сделать лучше не только свою жизнь, но и жизнь всех людей. Испившие из Истока становились изобретателями, учеными, просветителями. Однако, если человек жадно выпьет больше Воды, чем ему необходимо, знания ослепят его и оглушат, а разум обезумеет.

Первой ученицей и земной дочерью Татианы стала Еврелия – Ведающая Исцелением, дарующая своим Истоком болящим - здоровье, бездетным - ребенка и даже бесплодным землям – урожай.

Территория, омываемая этой рекой, сама наполнена жизнью. Земля здесь принимает в себя любое упавшее в неё семя, делая его плодородным, как и Еврелия, слышащая слёзы, мольбы просящих у Реки людей и дарующая им разрешение испить из неё. Её Исток называют Истоком «золота». Река Фисон. Минералы этой Реки в лучах Солнца озаряются золотым сиянием, неся в своём течении настоящую ценность для человеческой жизни. Этой Силой возможно исцеление всего человеческого тела, однако, чтобы жизнь людей была более осознанной, человек, коснувшийся Воды Фисона, не может получить исцеление всего себя одновременно – он подверга-

ется одному из тяжелых испытаний: испытанию выбора того, что он может в себе излечить. Если человек не принимает решения, то за него его принимает Ведающая, вкладывая в Воду, что дарует, и своё намерение.

В моих же владениях – Река Евфрат.

Не знаю, как всё это произошло и почему именно я её хранитель. Не могу знать. Чтобы уменьшить наши страдания и тоску по Небесам, Отец Небесный забрал наши воспомина-ния. Я не помню, как Он выглядит, да и вообще не помню, видела ли Его, говорила ли с Ним. Никто из нас не помнит. Но все мы чувствуем Его, посылая наши ответные чувства в молитве. Мне часто хочется поговорить с Ним. Сосуществование с человеком на Земле с каждым веком порождает во мне множество вопросов, ответы на которые способен дать только Бог, а также ответы на вопрос о том, какая миссия пришла на Землю вместе со мной. Я чувствую людей. И я хочу спасти каждого из них. Мне больно смотреть на их жизненные мучения. Человеческая жизнь очень коротка, и самое страшное, что большую часть этой жизни люди тратят напрасно. С течением времени я вижу в людях новые чувства, несвойственную раньше способность мыслить и совершать совсем иные, отличающиеся от прежних, поступки. Они становятся наполнены злым умыслом. Жестоким. Следуя ему, человек начинает блуждать во Тьме, и не все способны выбраться из неё, даже к концу своей жизни. Такой же, поистине быстротечной, как и человеческая жизнь, яв-

ляются воды Тёмной Реки Хиддекель.

По дну её русла разбросаны обломки Тёмной скалы, разрушенной Божьей любовью к людям. Сила Тьмы отравила Божественную Воду Истока, сделав её чёрной, горькой и вязкой. Она течёт вдоль территории, где начинается смертность, где нет любви и прощения, там, где земля высушена в пустыню и наполнена заточенными под неё душами умерших. Каждый, кто взглянет в отражение этой реки, увидит Тьму, способную позвать и увлечь за собой. Хиддекель – единственная Река, состоящая из вод Эдема, которая ниспадает в водопад и завершает свой путь в Бездне. Отпив из неё, человек теряет Свет своей души и пропадает в ней, теряя не только душу, но и сердце, и рассудок, навсегда отдавая свою жизнь Тьме. Мощь Хиддекель способна затопить Землю, погрузив её во Тьму. Эта река принадлежит Тёмному хранителю, а значит, самому Дьяволу. Хранитель Хиддекель – шестьдесят восьмой дух. Последний из падших с Небес, ставший великим союзником Дьявола, имеющий титул Повелителя Тьмы, могущественный военно-командующий Тёмным Легионом, не знающий жалости, и имя его – Велиар.

Он подобен продолжению Тьмы своего Истока, скрывающемуся за густотой беспросветной ночи в затмение. Высокий. В чёрных одеяниях, под капюшоном которых такие же чёрные волосы. На его сбритых висках – тонкий чёрно-алый шрам, словно молния, прочерчивающая путь от левой сто-

роны теменной кости до середины левой брови. На лице – лёгкая щетина, а губы застыли в двух линиях вечной лукавой усмешки. Худощавое тело Приспешника Дьявола украшено мощью каменного рельефа мускул. Ни один смертный или бессмертный не смог бы спутать этого мужчину с обычным человеком. Он и есть – энергия Тьмы, сосредоточенная в земном теле. Энергия, от шагов которой земля под ногами начинает дрожать, и даже лишённый зрения рядом с ним испытывает ощущение опасности и страха смерти. Его бархатный, уверенный и спокойный голос обвораживает, разливаясь по венам расплавленной магмой, заставляя умолкнуть и склониться перед ним на колени. Но у этой Тьмы есть еще одна отличительная черта, вызывающая и ужас, и бесконечное замороженное восхищение: у Велиара светящиеся тёмно-синие бездонные глаза, способные забрать душу.

Только один Исток течёт в одном направлении с Хиддель – мой.

Своим созданием Бог дал людям клятву, что его любовь не покинет их, несмотря ни на что, и заключил он эту клятву в Силе Вод Евфрата, способной спасти человеческую душу от Тьмы.

Глава II: Тьма

Мы вчетвером, словно тени на ткани бытия, сосуществуем на Земле, каждый со своим взглядом, своей тропой. Мы не стремимся в обитель Велиара, и он, словно забытый бог, не тревожит нас. С самого детства меня предостерегали от опасности, таящейся в глубине его синих глаз. При звуке его шагов, при виде мимолетного очертания его фигуры, я инстинктивно закрывала лицо руками, бежала всплую как можно дальше.

Но однажды, когда я была совсем юной, едва научившись лепетать слова, я впервые взглянула в лицо Тьме. Я гуляла по нашему Цветущему Саду, где мы лелеяли деревья, взращивали цветы, собирали сочные ягоды и плоды. Мои босые ноги ласкала прохладная песочная тропинка, пока под ступней не извился змей. Легкое касание, и нога застыла в воздухе, словно в невидимых тисках. Страх сковал меня, превратил в камень. Змей замер в ответ, выжидая. Я зажмурилась, а он, словно насмехаясь над моей трусостью, прошипел, пронзая тишину, умножая мой ужас.

– Отец Господь, спаси меня, – прошептала я дрожащим голосом, как вдруг чьи-то сильные руки подхватили меня, прижали к себе. От этого незнакомца веяло лесом, хвоей, свежестью вольного ветра. Я обвила руками его шею, прижалась к плечу, и открыла глаза, увидев лишь черную ткань

одеяния.

Сердце бешено заколотилось, словно пойманная птица.

– Поставь! – выкрикнула я, собрав остатки храбрости.

Он молчал. Мы шли вперед, и каждая секунда казалась вечностью. Зачем он поднял меня? Что ему нужно на нашей земле?

Владыка Тьмы подошел к обломку скалы и опустил меня на него, но не отпустил. Я вновь зажмурилась, словно это могло спасти меня.

– Мама и Бабушка сказали, на тебя нельзя смотреть! – выпалила я, крепко закрыв глаза ладонями.

– Мм, – задумчиво протянул мой враг, держа меня за ребра на расстоянии вытянутой руки. – Лучше бы они сказали тебе, чтобы ты смотрела под ноги, когда ступаешь на землю.

Я дрожала от страха.

Тьма сделала несколько шагов в сторону и поставила меня со скалы на землю, опустившись передо мной на колени, чтобы наши взгляды оказались на одном уровне, но не отпуская меня.

– Это был Змей-Искуситель? – спросила я сквозь появившиеся слезы, все еще не открывая глаз.

– Нет. Тот Змей побольше будет. Примерно, как я, – усмехнулся он, убирая свои руки. – А это обычный ядовитый червяк. Но он для тебя опаснее, чем Змей.

– А Создатель не выгонит меня из дома, как выгнал Адама и Еву, за то, что меня коснулся этот червяк? – Хныкая в ла-

дони, я не могла успокоиться, продолжая шататься от испуга.

Он рассмеялся и опустил свои руки, освобождая меня от своих прикосновений.

– Нет, глупая Ведающая.

И тут я резко перестала плакать, вытирая слезы кулаками.

– Что такое «глупая»? – с любопытством спрашиваю я почти что у Смерти.

– Глупая – это когда веришь в то, о чем ничего не знаешь, и закрываешь глаза тогда, когда нужно быть внимательной, – спокойно пояснил Велиар.

Я поняла, что быть глупой – это плохо, и моей семье это не понравится. Мне стало не по себе от мысли о том, что будет, если они узнают об этом.

– Ты не расскажешь Маме и Бабушке, что я глупая? – тревожно спросила я, убирая руки от лица.

Сердце забилось с бешеной скоростью, словно стая испуганных птиц металась в моей груди. Казалось, оно вот-вот вырвется наружу, и только ответ моего собеседника мог его остановить.

– Не расскажу. Но если будешь делать так при них, они и сами про тебя все поймут.

Облегченно вздохнув, осознав, что моя тайна останется при мне, я совсем перестала плакать. Мне вдруг захотелось поблагодарить Владыку Тёмных Вод за то, что он сохранит мой секрет. Я приоткрыла правый глаз, устремив взгляд на землю, и сделала неуверенный шаг вперед, пока не увидела

расстеленную на земле черную ткань его одеяния. И вдруг мне перестало быть страшно. Я раскинула руки и обняла Владыку Тьмы, уткнувшись носом в его шею, прикрытую тканью.

– Спасибо!

Я просто стояла так, слушая его дыхание, и почему-то ждала, пока руки чуть ли не самого Дьявола обнимут меня в ответ. Мне уже не было страшно. С ним я почувствовала себя в безопасности. Стоило мне улыбнуться этой мысли, как меня окутал густой черный туман, и Дьявол исчез.

Я оглянулась вокруг, ища его. Велиар перенесся. Я немного завидовала тому, что не имею такого же дара перемещения, как и он.

Дорогу домой я нашла быстро, а о том, что случилось, решила никогда не рассказывать, потому что слово «глупая» расстраивало меня больше всего на свете. Перед сном я осматривала свои ноги и руки, ища признаки потемнения кожи. Вдруг Тьма прокляла меня, стоило ему только коснуться меня? Я потрогала лоб. Он был холодным. Значит, я не сгорю в пламени Ада.

Спала я беспокойно, мне казалось, что стоит закрыть глаза, и Дьявол снова обнимет меня и унесет за собой. Но он так и не пришел.

На утро я снова осматривала себя, чтобы убедиться, что я еще не горю, наверняка.

Вторая встреча с Велиаром произошла, когда я перестала

быть ребенком и стала юной девушкой.

Я стояла вдали от дома, на своей территории, в единственном месте, откуда мне была видна сторона Тьмы. Много времени назад я нашла этот укромный уголок в окружении деревьев, сквозь которые по ночам могла видеть соседний берег и того, кто к нему выходит. Это была не первая ночь, когда я приходила сюда, надеясь его увидеть. И сегодня ночью он был там. Стоило мне только вспомнить нашу первую встречу, как я увидела фигуру, окутанную в черное, стоящую напротив меня, на противоположном берегу. Я засмотрелась на него, медленно выдыхая каждую секунду. И вдруг эта темная фигура надвисла надо мной, пугая меня. Темным густым туманом Велиар перенесся прямо ко мне. Я не видела его глаз, вообще не видела никаких очертаний лица, кроме беспросветной черноты, из которой вдруг раздался его неповторимый голос:

– Глупая Ведающая.

Эти слова меня словно ошпарили кипящей водой, обожгло все внутри. Глупая. Снова это слово из детства, которое я надеялась никогда больше не услышать, боясь быть таковой.

– Мое имя Вирсавия, – заявила я, сглотнув комок, образовавшийся в горле. – И ты забыл свое обещание.

В ответ слышала ухмылку и увидела лукавую улыбку, просвечивающуюся сквозь черноту, скрывающую его облик.

– Я знаю, как тебя зовут, ребенок, – спокойно ответил Дья-

вол. – Ты забыла, что я обещал не рассказывать Еврелии и Татиане о том, какая ты. Но не называть тебя самому глупой я не обещал.

– Что тебе нужно?

– Пришел посмотреть, не отравил ли тебе ноги очередной червяк, – издевательски пояснил Тёмный.

– Что тебе нужно, Велиар? – Сама не понимаю, откуда взялась смелость, но я настойчиво повторила вопрос, сделав акцент на его имени, произнося его громко и отчетливо, вкладывая в звучание все свое недовольство его ко мне обращением.

Приспешник Дьявола замолчал. Его голова наклонилась вбок, и я поняла, что он рассматривает меня, внимательно и изучающе.

– Надо же. Еще вчера лепетала пустое и боялась всего вокруг, а сегодня уже пытаешься повышать голос на свой детский страх.

– Ты не мой страх.

– Да? Тогда докажи это. Посмотри на меня.

– Я не обязана тебе ничего доказывать.

– Значит, я был прав. Создатель допустил ошибку и сотворил бракованную Ведающую. Трусливую. Глупую, – растягивал он каждое слово, задевая меня за душу.

Я успела сорвать с головы собеседника кусок его черного одеяния до того, как Владыка Тьмы зафиксировал мои руки у своих висков, схватив меня за запястья. Мы стояли вплот-

ную друг к другу. Я чувствовала его быстрое и сильное сердцебиение своим телом. Чувствовала его словно запыхавшееся дыхание. И только потом осознала, что дышу с ним в такт.

Двумя необычайно завораживающими и страшными искрами синевы исподлобья на меня смотрел настоящий хищник, остроту грубых черт лица и оскал которого подчеркивал свет луны. Но ни глаза его, ни само его лицо не были так ужасны, как два больших ровных, обрамленных засохшей кровью шрама, расположенных с левой стороны его лица, один из которых начинался от теменной кости и спускался до середины левой брови, а второй был отчерчен прямо внизу под ним – на его скуле. Я смотрела не на Владыку Тёмных Вод, по соседству с которым жила все это время. Я смотрела в лицо самому Дьяволу, который был ужасен и прекрасен одновременно.

Мой враг сжал мои руки еще сильнее, впиваясь взглядом в мои глаза. Велиар сделал шаг вперед и грубо подтащил меня к себе, лишая равновесия. Я напрягла ноги и остановилась, едва не ударившись о него всем телом.

– Заберешь мою душу и заточишь ее в Хиддекель?

Меня насторожила появившаяся на его лице нежная улыбка.

– Обязательно, – спокойно прошептал он. – Но не сегодня.

– Тогда отпусти меня, скажи, что тебе нужно, и уходи.

Велиар перестал улыбаться. Его пальцы чуть ослабили свою хватку и медленно скользнули вниз к моим локтям. Это

не было похоже на то, как он касался меня до этого. Раньше Тьма держала меня в своих руках, а сейчас ласкала. Я призналась себе, что так часто еще никогда не дышала.

– То, что мне нужно, я уже получил, – чуть громче сказал он. – Вирсавия, – вместе с моим именем с его губ слетела уже прощальная улыбка, которая, как и он сам, снова исчезла в густой Тьме.

Глава III: Сила

Глаза Дьявола не похитили мою душу. Кара Господня миновала меня. Велиар оставил меня жить.

С первой встречи наших взглядов его образ неотступно преследовал меня. Рой вопросов и странных предчувствий вился вокруг, куда бы я ни шла. И все же я не решалась вернуться в свой укромный уголок, откуда открывался вид на владения Тьмы.

Погруженная в раздумья, я поливала цветы, возвращенные в нашем Саду, когда меня окликнула Татиана.

– Пойдём со мной, – ласково проговорила Бабушка, загадочно улыбаясь и кладя свою руку на моё плечо.

– Куда?

– Я тут же встрепенулась.

– Туда, где мы нужны, – коротко ответила Татиана, беря меня за руку и увлекая за собой.

Она предупредила, что путь будет долг и утомителен, но по его завершении вся усталость развеется без следа. Сначала Татиана извлекла из своих покоев шесть светлых тканей, а затем мы подошли к Истоку Великих Знаний Реки Гихон. Бабушка погрузила их в священные воды.

– Для чего ты это делаешь? – поинтересовалась я, замороженно наблюдая за тем, как светлые полотна изящно колыхаются в речном потоке.

– Чтобы ткани вобрали в себя силу Вод Истока Великих Знаний. Так его мощь будет сопутствовать нам в пути. Я никогда не задумывалась о таком способе переноса воды. Эта мысль так увлекла меня, что я тут же побежала за своими тканями, а затем, ликуя, направилась к мосту через Исток реки Евфрат. Подбросив в воздух тринадцать полотен, я с восхищением смотрела, как они плавно опускаются в воду. Силой своей воли я поднимала капли воды ввысь, а затем опускала их на ткани, пропитывая их влагой.

Со стороны донёсся звонкий смех Еврелии.

– О, чтобы всё получилось, тебе нужно окунуть ткань на самое дно Евфрата, а затем поднять её и, вместе с каплями, трижды обернуться вокруг себя! – сквозь смех проговорила Мама, к которой присоединилась Татиана. Я поняла её шутку, но решила доказать, что мне под силу выполнить сказанное. Недолго думая, я плавно присела и опустила руки ладонями вниз, дотянувшись до каменного моста. Ткани послушно ушли под воду на разную глубину, их очертания исчезли в бирюзовой пучине. Татиана и Еврелия приблизились ко мне, всматриваясь в Реку.

Я еще никогда не направляла свою Силу так глубоко в Исток. Сейчас мои руки не чувствовали тех мелких деталей, как если бы я погрузилась не так глубоко. Казалось, на глубине управлять Силой невозможно. Словно на моих ладонях лежал огромный холодный камень, сковывающий потоки моей энергии.

– Если достанет ткань обратно, в следующий раз пойдёт со мной, – тихо шепнула молодая женщина своей Земной Матери.

– Пойдёт, – вдруг, совершенно неожиданно, произнёс грубый бархатный голос Владыки Тьмы. Моё тело вздрогнуло, едва не выронив Силу, напряжённое от внезапного появления Велиара. Да зачем он вообще сюда явился?

«Нельзя показывать свою слабость перед Владыкой Тёмных Вод», – твёрдо решила я и постаралась дышать ровнее, закрыв глаза и представив, как сейчас выглядят ткани на дне Реки. Я чувствовала ехидную улыбку врага. Его взгляд обжигал огнём волнения мою спину. Ещё один глубокий вдох. Я мысленно искала каждую ткань на ощупь в темноте, и вместе с моими представлениями двигались кисти рук, каждый поворот которых сопровождался хрустящим звуком. Сначала я нашла одну ткань, затем другую И так, поочерёдно, пока не нащупала последнюю – тринадцатую. За мной пристально наблюдали три пары глаз. Первая и вторая пара делали это с переживанием, а третья – с яростным восхищением в предвкушении подтверждения собственных слов.

– Пойдёт – тихим шёпотом, вторя словам Дьявола, подтвердила Татиана.

С этими словами я резко подняла руки, извлекая из глубин Райского Истока ткани, словно проросшие корнями в речное дно. Моё дыхание участилось, но на смену тревоге пришло успокоение. Сделав шаг к каменному ограждению

моста, я наклонилась вперёд. Силой моего духа ткани закружились в непринуждённом торжественном танце, и я встретила это зрелище с гордым блеском в своих бирюзовых глазах, отражающихся в бирюзовой водной глади. Завершив обряд, я направила пропитанные полотна прямо в руки и, поймав их, повернулась к родным. Первым, кого я увидела, был Велиар. Он стоял, облокотившись на каменные штыри у моста, расположенные на его территории. На его губах играла лукавая улыбка, а взгляд, казалось, пронзал меня насквозь, заставляя моё тело вновь дрожать. Жизнь вокруг, казалось, замерла, оставив только нас двоих. Я не слышала радостных слов Еврелии и Татианы, не слышала пения птиц и шума Рек. В моей голове эхом отдавалось его уверенное: «Пойдёт». Это слово пульсировало в моих висках с каждым ударом сердца, заставляя его стучать всё быстрее и громче. Но не это стало причиной моего резкого напряжения. Его глаза. Точно такие же глаза я только что видела в отражении собственных глаз в реке Евфрат: блестящие, гордые, уверенные, обладающие силой. Бесчувственные.

Никогда прежде я не видела ни у кого из нас такого взгляда при использовании своей Силы. Ни у кого, кроме него – самого безжалостного, жестокого и сильнейшего Владыки Тьмы, наслаждающегося своим превосходством и питающегося им.

Велиар, не разрывая зрительного контакта, сделал шаг назад, будто бы понимая, что моя реакция на его присутствие

начинает меняться.

Или это он помог мне? От этой страшной догадки у меня в голове появился тянущий тёмный звон. Я сильнее прижала мокрые ткани к груди, жажда омыть себя исцеляющими душу Водами.

Медленно отведя взгляд от Падшего в сторону Истоков, я увидела, как он спокойно разворачивается и уходит в свои владения.

Мы с Татианой отправились в долгое двухлетнее путешествие, распространяя Силу своих Рек, а также Реки Еврелии. Идя по заповедным лесам и бескрайним пустыням, мы оставляли за собой след в виде дарования Истоков. Мы окунали полотна в попадающиеся нам озера, ручьи и реки, и оставляли их на их глубине. Таким образом, Силы Истоков не ограничивались самими Реками, они разрастались по Земле, везде, куда мы могли прийти. Люди, приглашавшие нас на ночлег и дававшие нам кров, были вознаграждены знаниями о Водах и становились хранителями Великой Тайны Сил. Они бережно хранили эти знания в своих семьях и передавали их из поколения в поколение.

За время путешествия я больше не испытывала тех чувств, которые возникли у меня тогда на мосту, и, следовательно, не повторяла ритуал демонстрации своей Силы. Потому что я боялась узнать, кто же тогда сделал это? Я или он? Свет или Тьма?

Мы вернулись из путешествия к лету, в то же время года,

что и ушли.

Поприветствовав Еврелию и поведав ей истории из путешествия, Татиана ушла заниматься Садам, а я отправилась гулять по широкой цветущей зелёной степи, раскинувшейся на склоне у горы наших владений. Это длительное путешествие сделало меня выносливей, и все мои прогулки теперь казались не такими долгими. Я могла идти несколько часов, не замечая, как ушла слишком далеко от дома.

Высокое ясное небо озаряло щедрое солнце. Мои обнаженные ступни ступали по зелёной траве, которой вскоре предстояло утратить свою сочность, отдаваясь власти осени. За моей спиной, внизу обрыва скал, протекал Гихон. Я, словно подросток, искала уединения вдаль, наслаждаясь своим вольным путешествием и исследованием новых троп и путей, проложенных людьми к истокам реки Великих Знаний. Я шла, глубоко вдыхая запахи природы. Только так мне удалось на время избавиться от тягостных вопросов, терзающих сознание. Именно здесь, в спокойствии тишины, которое мог прервать лишь ветер, ласково колышущий травинки на равнине, я находила смелость взглянуть им в лицо.

Закрыв глаза, я продолжала идти какое-то время, интуитивно делая шаги, энергетически сливаясь воедино с природой. И именно в этот момент я поняла, что иду уже не одна.

– Долго же тебя не было, – произнесла я с приветливой искренней улыбкой, глядя вперёд. Велиар уверенным и бесшумным шагом шёл рядом со мной. Я не позволяла себе

смотреть в его сторону, однако, понимала, что во мне пробудилась неожиданная, приятная и от этого ещё более странная эмоция: я была рада его видеть.

Едва я подумала о том, чтобы повернуться к нему, как Владыка Тёмных Вод стремительно шагнул вперёд, преграждая мне путь. – Это предназначено тебе, – сказал он, протягивая ко мне руку, обнажая в хищной улыбке белоснежные зубы и откидывая ткань, скрывавшую его голову.

Наши глаза встретились.

Его взгляд вновь поверг меня в ужас, как и в тот первый раз. Но сейчас это был не страх перед его глазами. Это был страх за его глаза. Опухшие веки, налитые кровью белки, в центре которых сияла присущая только ему синяя радужная оболочка. Меня охватила растерянность. Я остановилась, пытаюсь скрыть смятение, и перевела взгляд на его лицо, озарённое лучами солнца. В этом свете проявились все мелкие раны на лице и шее Велиара, я увидела их так детально и близко – впервые за те века, что мы сосуществуем на Земле.

Но я не могла сосчитать количество и оценить серьёзность совсем свежих и кровоточащих ран на его лице, подчёркивающих и напоминающих, что передо мной стоит Великий военачальник Легионов Дьявола. Он был весь в крови. И не только в чужой, но и в своей собственной.

Левый глаз Тёмного невольно сощурился, отражая слепящий блик солнечного света, безжалостно пронзающего его

раны. Ещё один шаг навстречу, и вот он уже улыбается, протягивая руку, словно желая скрыть мучительную боль. Мой взгляд медленно скользит вверх, от уже знакомого теменного шрама, пересекает лабиринт новых ран и останавливается на сжатой ладони, застывшей в опасной близости от моего сердца.

Рука его тоже изранена и окровавлена. А в ней Велиар держит неизвестный мне цветок, лепестки которого безупречного тёмно-синего цвета, словно бархат ночи, обрамляют чёрную, как сама бездна, сердцевину. Цветок неземной красоты, словно сотканный из отблесков глаз Владыки Тьмы.

Не решаясь, я поднимаю руку, желая коснуться его. В неуклюжем порыве, стремясь взять стебель, мои пальцы случайно задевают кожу Тёмного. По венам разливается обжигающая лава. Моя кровь, кипящая от волнения и едва сдерживаемого ужаса. Я отдергиваю руку, вновь устремляя взгляд в его алые, словно запекшаяся кровь, глаза.

Владыка Тёмной Реки слегка склоняет голову, не переставая улыбаться. Кажется, он ныряет в самую глубину моего взгляда, пытаюсь проникнуть в сокровенные уголки моей души. Неужели это тот самый миг, когда Велиар похитит мою душу одним лишь взглядом?

– Всё ещё боишься смотреть мне в глаза, глупая Ведающая, – произносит Тёмный с укором.

Наверное, сейчас я выгляжу как испуганный ребёнок, парализованный ужасом. Но в душе бушует буря, чувства,

неведомые мне до этого мгновения прикосновения. Я не знаю, с чем это можно сравнить. Не нахожу слов, чтобы описать это одурманивающее состояние.

Лицо выдает меня, щеки вспыхивают несвойственным мне румянцем.

Велиар проводит языком по нижней губе, слизывая капли крови, просочившиеся из свежей раны, при этом обнажая острие верхних зубов. Затем, поднимает руку и вплетает стебель цветка в мои волосы, между виском и ниспадающей прядью. Указательным пальцем, он проводит вдоль моей щеки, едва касаясь ее. Я медленно и глубоко вдыхаю. От несостоявшегося прикосновения, невыносимый жар сменяется дрожью, пробегающей по всему телу.

Владыка Тьмы наклоняется к моему уху.

– Я назвал его «цветком предвкушения и хрупкости». Он рождается с сомкнутыми лепестками, но со временем являет миру свою силу и великолепие, – неторопливо шепчет Велиар.

Я вдыхаю аромат цветка, смешивающийся с запахом его кожи. Вместе они пахнут неизведанной ледяной прохладой и сладостью, невероятной мощью и свободой. В этом запахе есть и запах долгожданного покоя, словно капелька вязкого мёда, оставленная пылью цветка на коже каждого, кто к нему прикоснулся. Он опьяняет разум, обнажая потаённые желания. И я понимаю, что если сейчас же не выдохну, то навеки погрязну в этом аромате.

– Он растёт далеко отсюда, – как ни в чем не бывало, продолжает Тёмный, прерывая мои мысли. – Неудивительно, что ты его не видела раньше. – С усмешкой добавляет он. – Но если ты захочешь и сможешь позаботиться о нем, ухаживая за ним в своём Саду, то его нужно как можно скорее дать твоей земле.

Каждое его слово ощущается как нежное прикосновение воздуха к моей шее. И вдруг, во мне просыпается неожиданная смелость. Хотя, это скорее не смелость, а непреодолимое желание поступить именно так. Я поворачиваюсь к нему, едва касаюсь губами его уха и выдыхаю в ответ:

– Я позабочусь о нём.

Дьявол застигнут врасплох. Он ожидал услышать такой ответ, но никак не ожидал такого поступка. Недоумение застыло в его взгляде.

Но это ещё не всё, что я хочу пообещать.

– И о твоих глазах, Велиар, – говорю я твердо, кладя свою ладонь на его щеку, но тут же отстраняюсь, разрывая пьянящий момент близости.

Нас разделяет расстояние согнутого локтя, хрупкая девичья рука, почти ласкающая мужественное лицо израненного воина, а не командующего Легионами.

Вмиг он становится серьезным. Черты лица заостряются, вены на шее набухают, улыбка сменяется плотно сжатыми губами.

– Ты что? – непонимающе переспрашивает он, накрывая

мою ладонь своей, прижимая её к щеке. Я чувствую, как эта хватка причиняет ему боль, но он упорно пытается скрыть это.

– Я могу вылечить твои глаза и раны, – поясняю я, убирая наши руки и переворачивая свою ладонь, демонстрируя ему его кровь.

Он опускает взгляд, изучая мою руку. Громкий, тяжелый выдох. Затем, Падший запускает пальцы в мои, неожиданно рассмеявшись.

– Прости, не думал, что это тебя озадачит. Я был на поле боя и слишком торопился, чтобы – он запинается, подбирая слова, а я не могу оторваться от ощущения огня, пробегающего между нашими сплетенными пальцами. – торопился, чтобы успеть до того, как растение погибнет, – наконец, констатирует Тёмный. – А мои глаза восстановятся через несколько лун, Вирсавия. Как и остальные раны.

Я не верю своим ушам. Приспешник Дьявола, сама Смерть, торопится с битвы, чтобы успеть отдать мне цветок, прежде чем тот умрёт?

Пока я пытаюсь осмыслить услышанное, он вытирает мою руку краем своего одеяния.

– Доберешься до своих владений, омоешься в Реке и можешь сделать вид, что никогда не касалась меня и осталась по-прежнему чистой, белой, невинной, – Велиар делает особый акцент на последнем слове. – Незамаранной Темнотой Дьявола, – колко бросает он, разжимая наши пальцы и отда-

ляя руки.

Всю жизнь я боялась даже стоять рядом с Падшим, не говоря уже о прикосновениях и ощущении его дьявольской крови. А сейчас, когда моя кровь кипит от близости, а разум жаждет утонуть в его запахе, он предлагает мне смыть этот день и забыть о произошедшем.

Брови мои невольно хмурятся. Велиар кивает головой, словно придя к единоличному согласию, и собирается уйти.

– Сколько Лун? – серьезно спрашиваю я, пытаюсь отсчитать неизбежное исчезновение тёмных синих глаз.

Он молча ухмыляется.

– Сколько Лун пройдёт до твоего полного восстановления?

Владыка Тьмы тихо, наигранно – раздраженно рычит.

– Сколько Лун, Велиар?! – не выдерживаю я, срываясь на крик.

Он закатывает глаза и выкрикивает в ответ:

– Шесть полных Лун! И хватит называть меня по имени так – он отворачивается, обрывая фразу.

– Как? – спокойно спрашиваю я, уже услышав главное.

Не поворачиваясь, он смотрит вдаль, за горизонт.

– По-твоему! Так по-твоему! – гневно процедил Дьявол.

Я задумываюсь, что он имеет в виду. Догадки рождают разные чувства. Неужели мой голос груб в общении с ним? Или моя защита от страха перед ним проявляется в такой странной форме? Что именно Владыка Тёмных вод подра-

зумевают, мне непонятно. Но меня задевает то, с чем у него ассоциируется моё к нему обращение. Тем не менее, сейчас печаль от непереносимости моего общества не ко времени. Разгадать его чувства и примириться с ними я смогу позже, как и понять свои собственные. Сейчас важно его физическое состояние.

– Ты сможешь переместиться со мной к истокам Евфрата?
– тихо спрашиваю я.

– Устала путешествовать босыми ногами? – сменив гнев на шутовство, спрашивает Тёмный.

Мне нужна причина. Зацепка, чтобы уговорить Дьявола последовать за мной. И я понимаю, что он сам уже дал мне эту причину. Мои пальцы нежно касаются тёмно-синих лепестков, отдыхающих в моих волосах.

– Пожалуйста, – грустно выдыхаю я.

Велиар разворачивается. Он понял, что я говорю о подаренном им цветке и о том, что именно сейчас ему нужна моя забота.

– Да, если ты будешь добираться до своего Цветущего Сада своим темпом, то этот чёртов цветок точно не успеет пустить корень, – лицо мужчины расслабляется, острота черт исчезает.

Я опускаю взгляд, выражая печаль от возможной гибели растения.

– А ты перенесешь ещё одно прикосновение Тьмы за сегодняшний день? – издевательски спрашивает он, обходя меня

и внимательно осматривая.

– Если такова плата за спасение жизни цветка, так тому и быть.

После моего решительного заявления, он останавливается сзади. Его руки обвиваются вокруг моей талии, крепко, но аккуратно сжимая. Хоть я и не вижу его лица, но готова поклясться: Велиар снова хищно улыбается, а в глазах горит яркий блеск, подпитываемый жаром прикосновения.

– Так тому и быть, – торжественно провозглашает Владыка Тьмы, повторяя мою волю, и плотная гуща чёрного тумана окутывает нас, растворяя в воздухе над равниной.

Я не закрывала глаза перед тем, как Велиар обнял меня, чтобы перенести к моим владениям, но в момент перемещения видела ту же непроглядную тьму, как если бы они и были закрыты.

Это были секунды беспросветной и вязкой чёрной бездны, погружение в которую я никогда не забуду. В этой бездне я была обычным человеком, девушкой, за спиной которой стоял обычный мужчина, оберегающий ее от собственной дрожи своим объятием. О, как мне хотелось поверить в эти ощущения и продлить их, хотя бы ещё на мгновение.

Это были секунды крошечной, липкой тьмы, погружение в чернильную бездну, что навсегда запечатлелась в моей памяти. В этой пучине я ощущала себя всего лишь смертной, хрупкой девушкой, за спиной которой, словно незыблемая скала, стоял мужчина, чьи объятия были единственным щип-

том от собственной дрожи. Как же страстно хотелось мне уверовать в это мимолетное чувство защищенности, задержать его хоть на мгновение

– Добро пожаловать домой, Ведающая, – услышала я бархатный голос Тёмного, и земля вновь обрела твердость под ногами. Он медленно разжал свои объятия, позволяя мне отдалиться, словно отступая от опасной черты.

Велиар перенес нас в самое сердце моего Цветущего Сада. Я попыталась оглядеться, выбрать наилучшее место для посадки цветка, но головокружение сковало меня, заставив опуститься на корточки, ища опору в прохладной земле.

– Забыл предупредить о "побочных эффектах" перемещения, – с сарказмом говорит Падший, наблюдающий за мной. – Но для первого раза ты удивительно стойка. – С этими словами он ободряюще, по-мужски хлопнул меня по плечу.

– Знаешь, я ведь хотела пригласить тебя неспешно осмотреть мой Сад, – ответила я, выпрямляясь и пытаюсь скрыть смущение под шуткой. – Но теперь, видимо, не судьба.

Мужчина расхохотался – звук, словно раскат грома, прокатился по саду.

– Ты всерьез полагаешь, что я не бывал в твоих владениях? – риторически спросил он, окидывая взглядом окрестности, раскинув руки в "всеобъемлющем" и "всевластном" жесте.

– Сегодня? Сегодня, думаю – нет, – в тон его ответам ответила я.

Разумеется, он здесь бывал. Возможно, не сегодня. Но я отчетливо знала, что Велиар познал эти земли задолго до моего появления. Этот Мир был открыт и покорен ему еще до того, как я вдохнула здесь первый вздох.

Владыка Тьмы был приятно удивлен моей дерзостью, и медленно направился к краю Сада.

– Здесь – ягоды, – указал он на кусты, усыпанные рубиновыми плодами. – Здесь – ароматные травы, – продолжил Тёмный, неспешно прогуливаясь по моей территории. – Здесь – фрукты, овощи Деревья, чьи кроны сплетаются в зеленый шатер. – Он приблизился к самой красочной части Сада, где царствовали мои цветы. – А здесь, я полагаю, ты собираешься приютить мой дар и вдохнуть в него жизнь, – Велиар указал на свободное место рядом с робкими цветущими бутонами. – О, а это ты любишь больше всех, по крайней мере, пока. Он уверенным движением провел окровавленными пальцами от запекшейся крови по бархатистому плоду цвета, свисающего с куста, обвитого розовыми бутонами. – И назвала ты его – шиповник, – спокойно произнес мужчина, проведя пальцем по острым шипам, намеренно надавив на один из них, оставив на нём свой кровавый след.

– Откуда ты – смущенно пролепетала я.

– Ты слишком откровенна с самой собой, Вирсавия, когда находишься здесь, – перебил он меня, начиная копать руками небольшую ямку под кустом моего шиповника. – Кстати, цветок, который мы здесь сейчас посадим, потом тоже обре-

тёт на стебле шипы. Они уживутся как соседи.

Велиар знает обо мне всё. Я на мгновение прикрыла глаза рукой, пытаюсь скрыть разочарование. Затем, собрав волю в кулак, приняла свершившийся факт.

Осторожно сняв со своих волос цветок, я еще раз взглянула на этот прекрасный, нежный, едва приоткрытый бутон. Его лепестки уже слегка поникли, словно в печали, словно моля о глотке живительной воды и земли. Я торопливо подошла к ямке, вырытой Велиаром, и бережно опустила в нее синий цветок. Он позволил мне самой присыпать его стебель землей и закопать.

– Я боюсь, что он слишком долго был без почвы, – призналась я Тёмному. – Простая вода может не помочь. Велиар вопросительно вскинул бровь, устремив на меня свой пристальный взгляд.

Я направилась к Истокам Четырёх Рек, всем сердцем надеясь, что он последует за мной. И оказалась права. Как и в том, что раны причиняют Владыке Тьмы боль. Это стало очевидно при его передвижении. В этой неспешной ходьбе со мной до Истока, я заметила, как Велиар прихрамывает. Ему тяжело идти.

Стоя на самом краю берега, я склонилась к Истоку, от которого берет свое начало Фисон. Несколько капель исцеляющей воды мгновенно взмыли вверх, сливаясь воедино в моей протянутой руке.

Мужчина заворуженно наблюдал за тем, как мои тихие

слова слушает Вода. Она закружилась в своем танце над моей головой, превращаясь в сверкающий шар. Владыка Тёмных Вод насторожился. Я резко опустила руки вниз, направляя созданную мной Исцеляющую Воду на Велиара, обливая с головы до пят тело самого Дьявола. Им овладела ярость.

– Ты Обманула Меня, – прорычал он, словно зверь, стряхивая с себя капли.

Я молча улыбнулась, приближаясь к разъяренному мужчине и наблюдая за тем, как быстро исчезают его старые раны, затягиваются новые и очищаются залитые кровью глаза.

– Не обманула, а позаботилась о том, чтобы шесть лун наступили уже сейчас, – парировала я, глядя прямо в его потемневший от гнева взгляд. – Только вот Не могу понять. – Моё внимание устремилось к шрамам на его лице. – Они не исчезают.

Велиар подошел ближе к краю моста, долго всматриваясь в свое отражение в Водах подвластной ему Реки.

– Они не исчезнут, глупая Ведающая. Ни твоей, ни моей силы не хватит, чтобы излечить рану, нанесенную Самим Создателем, – вдруг произнес Тёмный, повергнув меня в шок своим откровением. Снова произнесенное им ненавистное мне "глупая Ведающая" сейчас не так трогает мое сознание, как факт того, что Велиар только что признал, что он видел Создателя. Он помнит Его. Это откровение порождает во мне вихрь вопросов к Падшему. Однако, он не дает мне опомниться, настораживая своей резкой сменой настроения.

– Не обманула, а позаботилась – процитировал меня Велиар, вновь приближаясь. – Я запомню это, – сказал он, демонстрируя твердую походку и чистоту своих глаз.

– Вел – Я хотела объяснить ему свой поступок, задать вопросы о Создателе и его шрамах, но вспомнила предостережение Владыки Тьмы по поводу того, какие ощущения возникают у него, когда я произношу его имя.

Мужчина непонимающе вглядывался в мои нерешительные, застывшие перед произнесением его имени губы.

– Если тебе неприятно, когда я произношу твое имя, то – начала было я, преодолевая обиду, предлагая Велиару свое вечное молчание, но тот остановил меня, мгновенно оказавшись рядом и прижав меня к каменному борту моста, запечатав мои губы своим пальцем, словно накладывая заклятие молчания.

– Как ты могла подумать об этом, женщина? – спросил он, выражая всем своим видом беспокойство. Велиар снова сделал это: попытался забрать мою душу своим взглядом. Я чувствовала это, пропадая, прямо там, стоя на мосту в оковах его глаз. – Как ты могла подумать, что слова, сказанные мной тогда, это – запрет для тебя? – Владыка Тьмы убрал свой палец с моих губ, говоря прямо в них и обжигая, наконец-то отводя свои, забирающие мою душу глаза: – Запрет, а не – Он замолчал от момента соприкосновения своего дыхания с моим. С силой ударил кулаком о камни борта, не закончив свою фразу, и тут же исчез, оставив меня одну. Глава

III: Сила

Глава IV: Брошенная Отцом

Разум отказывался отпустить вихрь дневных событий. Сегодняшний день стал вместилищем для ужаса, страха, трепетного волнения, горьких переживаний, проблеска радости, вновь захлестнувшего ужаса и тягучей недосказанности, словно застрявшей костью в горле.

Но сильнее всего бушевали в душе чувства, мятежные и неподвластные самоконтролю: хрупкое доверие, обманчивое спокойствие, жгучее желание, острая необходимость и невыносимая невозможность, недостижимая мечта, зияющая уязвимость и снова всепоглощающий страх, словно тени, танцующие на стенах скал.

Вернувшись в свой Сад, я долго не отрывала взгляда от его нового обитателя. Маленький воин, он всё ещё цеплялся за жизнь. И, несмотря на истощение, он был прекрасен как и тот, кто доверил его судьбу моим рукам.

Мой взгляд тонул в сердцевине бутона, читая в нём «предвкушение и хрупкость», но видя лишь – его. Я вспоминала, как он приближался ко мне оставив на теле привкус недосказанности, обжигающий, словно пламя, а затем – его ярость, обрушившаяся, как гроза. Неосознанно провела кончиком пальца по нижней губе, пытаясь уловить хоть отголосок его слов, – тщетно, бессмысленно. Воспоминания словно стальные обручи сдавливали сердце, лишая грудь возможности

вздохнуть. Горячая слеза прокатилась по щеке, словно раскалённый уголёк.

– Он хотел, чтобы ты задышал новой жизнью в моём Саду, а сам забрал у меня способность дышать, – прошептала я цветку, отказываясь скрывать от него свои тайны.

Капля за каплей, я собирала свои слезы в ладони и окропляла ими цветок, принятый из рук самой Тьмы.

Мне необходимо было разобраться в этом хаосе, найти ответы в глубине чувств. И единственный путь лежал через Татиану, потому я отправилась на её поиски.

Женщина дремала на ложе из мягких зеленых листьев под сенью векового дерева. На её лице играла добрая улыбка, а веки были сомкнуты так легко, словно готовы распахнуться от малейшего дуновения ветра. Осторожно прильнув к ней, я положила голову на её колени. Вот и всё. И боль в сердце уже не так рвётся на части. Татиана нежно опустила ладонь на мои волосы.

– Что омрачило твою душу, дорогая?

Новая волна обиды и горечи захлестнула меня. Не в силах сдержать рыдания, я крепко обняла её.

– О, Бабушка! – всхлипывала я, пока Татиана, встревоженная, приподнималась, чтобы обнять меня в ответ.

– Тише, тише

– Я не понимаю, что со мной происходит, – сквозь слезы выплескивала я сумбурные слова. – Сначала я думала, что хуже быть не может, и испугалась до дрожи, потом я испуга-

лась за него, а потом

– Вирсавия, твоя речь сбивчива, словно лепет ребёнка, – ещё больше насторожилась Татяна, поражённая непривычной для меня манерой говорить. – Расскажи мне всё. Всё, как было, и как есть.

И я поведала ей всё. Утаив лишь то, как сильно мне теперь необходимы его тёмно-синие глаза, и как моё сердце разрывается от мысли, что они снова стали для меня недостижимы. В этом и крылась моя уязвимость, которую отныне следовало скрывать.

– Ты совершила благородный поступок, Внушенька, – успокоила меня Бабушка. – Несмотря на то, что Владыка Тёмной реки появился здесь раньше тебя, вы оба ещё молоды и глупы, ибо порой не понимаете истинных мотивов своих поступков. За вас говорят сердце и душа.

Впервые я услышала это из родных уст. Глупая. К слову, которое я в детстве боялась даже произносить вслух, добавилось ещё одно – глупый, да ещё и в отношении самого страшного человека из моих кошмаров. Этого я не могла и представить. Не могла даже допустить мысли – примерить на него то, в чём он с самого детства обвинял меня. Мы оба равны – вот что открыла мне Первая Ведающая. И как теперь мне понять и принять это откровение?

– Душа и сердце?! Неужели у Владыки Тьмы есть хоть что-то из этого? – перебила я Татиану, не в силах сдержать бурю противоречивых чувств.

– И то, и другое.

Я напряглась, ожидая подробного объяснения.

– Душа есть у всех, Вирсавия. Кто-то распахивает её, являя миру все её краски, впуская всех в своё сердце. А кто-то – запирает её на замок, прячет от чужих глаз, порой даже не допуская до своей души самого себя, зная, что мир вокруг способен причинить ей боль и гибель. Но сама душа бессмертна, она не может умереть. Умирает лишь вера в то, что её можно кому-то доверить.

– Поэтому Велиар спрятал её за туманной пеленой Темноты – закончила я за Татиану, внезапно осознав скрытый смысл её слов.

– Ты всегда была сообразительной и мудрой девочкой, – одобрительно похвалила меня Хранительница реки Великих Знаний.

– Но если он так поступил, значит, его душу предали, – продолжила я свои рассуждения, в которых постепенно проступал ответ на мои вопросы. Не хватало лишь подтверждения. – Его шрам не зажил, потому что – Я не решалась произнести это вслух, ведь открывшаяся мне правда полностью противоречила всему, что я знала до этого момента, и во что верила.

– Мне очень тревожно за тебя, дитя. Так тревожно, как никогда прежде. Ещё в твоём детстве, во время своего ночного сна, я увидела нечто, что до сих пор не могу постичь. Я увидела твоё тело, погружённое в Чёрную Воду. Ты безмолвно

пыталась смотреть сквозь крошечную Тьму, но тщетно. Вода сгущалась. Ты не пыталась вдохнуть, не пыталась пошевелиться. Твоё тело, словно тяжёлый камень, медленно опускалось на дно. В тот момент, когда я перестала видеть твой силуэт, из глубины поднялось очертание мужчины в чёрном одеянии. Как только его очертания поднялись выше торса, я разглядела его руки, поднимающие тебя вверх. Вы оба были окутаны текучей, вязкой водой. Я пыталась понять, вернулось ли к тебе дыхание, но так и не смогла, как и не смогла увидеть его лицо. Затем этот сон неоднократно повторялся. Но никогда не продолжался дольше этого момента. Всё это время я пытаюсь расшифровать это послание Господа. И не нахожу иного объяснения, кроме одного. Я говорю тебе об этом, чтобы ты была готова к тому, что однажды тебе придётся сразиться с Тьмой. Но также и для того, чтобы ты знала: даже Тьма способна тебе помочь.

Меня пронзил леденящий холод. Сколько бы я ни пыталась заглянуть за завесу будущего, никто и никогда не говорил со мной о моей судьбе и предназначении. В обычный вечер, когда я искала утешения от горячих слез в объятиях Бабушки, я познала некую истинную правду.

– Когда-нибудь Создатель призовет меня к себе, – внезапно сменив тему, тихо произнесла Татиана. – А затем мы с Ним будем ждать на Небесах Еврелию, – добавила она фразу, причинившую мне невыносимую боль. – А вы с Велиаром останетесь на Земле вдвоём.

Я съёжилась в её объятиях, объятая страхом пустоты, которая возникнет после их исчезновения. Я не хотела думать об этом. Не могла даже представить.

– Ты примешь верное решение. Я верю в тебя, – загадочно закончила Бабушка, словно пропустив большую часть своих слов мимо ушей.

Я закрыла глаза, вдыхая запах её «васильковой» кожи, и погрузилась в свои мысли, где тихим, согревающим лучом теплилась уверенность в том, что только у меня есть силы всё исправить и залечить шрамы Велиара, теперь уже в его сердце и душе, существование которой нашло подтверждение.

Всё вокруг примеряло на себя багряные одеяния сменившейся поры. Природа пылала днём и остывала по ночам.

Прошло немало времени с нашего с Велиаром последнего разговора и, собственно, самой встречи. После этого я не видела его. Не слышала. Но чувствовала присутствие его души в своей.

До того момента, пока Отец Господь не отвернулся от меня и не забрал мою душу.

На наш Сад опускалась ночь. Днём я усердно трудилась, готовя растения к зиме: обрезала листья, подвязывала кустарники к деревянным кольям, убирала опавшую листву, разрыхляла почву. Полумесяц отражался в сосудах с набранной Целительной Водой. Я остановилась, рассматривая его и размышляя о том, что ещё предстоит сделать до наступления холодов.

– Вирсавия, – тихий, дрожащий голос Еврелии нарушил тишину.

Я медленно обернулась к матери, готовясь встретить её улыбкой. Но улыбка застыла на лице, сменившись непониманием. В глазах Еврелии я увидела слёзы. В руках она крепко сжимала траурную чёрную ткань.

– Что случилось?! – спросила я, страшась ответа.

– Нам нужно усердно помолиться, – ответила Мама, с трудом сглотнув ком, застрявший в горле.

Она была совершенно не похожа на себя. Белые волосы словно поседели, а лицо постарело на несколько лет. Она говорила шепотом, но внутри неё рвался крик, который я чувствовала даже сквозь расстояние. В её руках особая ритуальная белая ткань. Еврелия пришла с вестью о трауре. Неуверенно шагнув к ней, я протянула руку, чтобы взять траурное одеяние.

– Кто? – мой голос прозвучал ещё тише, чем её шепот. Я внимательно смотрела на Маму. Она же опустила заплаканные глаза.

– Татiana.

Нет.

Резко оттолкнув ткань, я отступила назад, разбив стоящие за спиной сосуды.

– Кто? – переспросила я, пытаюсь услышать другое имя, любое, кроме того, которое не хотела принимать.

– Сейчас она в своих покоях. Я нашла её бездыханной.

Нет.

Этого не может быть.

Я не верю в это.

Не хочу верить в это.

Я бросилась в покои Бабушки, чтобы увидеть её. Она просто спит. Устала после тяжелого дня, наполненного заботами. Её можно обнять, и она проснётся. Пошевелится, нежно обнимет в ответ и снова уснёт, чтобы утром встать раньше всех и продолжить свой труд.

И она действительно была похожа на спящую. Но ни на моё несмелое «Бабушка», ни на громкий крик «проснись», ни на трясущиеся руки, глядящие её ещё тёплые ладони, она не отвечала.

Еврейя стояла рядом. Позади меня. Время застыло. Как и моё бесконечное количество попыток разбудить Первую Ведающую. Я пыталась всмотреться в неё, чтобы увидеть хоть малейший признак жизни, дыхания. Но, на самом деле, я не вижу ничего, потому что моё зрение украл страх случившегося. Моё сознание украла её смерть, которую я намерена отогнать от неё. И, чтобы сделать это, мне нужно догнать её на пути к Раю. А, значит, сделать так, чтобы моя душа сейчас же отправилась за ней вдогонку.

Мой путь в этой непроглядной ночи освещает факел. Я крепко держу его в правой трясущейся и ослабшей руке и, если бы не мелькающие тени, я бы поклялась, что мои ноги – лишь призрак движения. Я не чувствую их, не чувствую

промерзшей земли под ногами, не чувствую наступившего холода. Я – тень, скользящая по грани между жизнью и небытием. В голове – оглушительный набат моего собственного отчаяния, хор безумия, заглушающий остатки разума.

Самое страшное, чего я так боялась, во что отказывалась верить, избежать чего жаждала всей душой – уже произошло. Боль осознания разом пронзает моё тело, но не проходит насквозь, а вдавливается в меня со скоростью упавшего с небес ангела.

Самое страшное – уже произошло.

Мне больше нечего терять.

Я переступаю мост, чтобы впервые за всю свою жизнь на Земле, ступить на сторону Тьмы, добровольно обратившись к ней за помощью.

После долгих шагов, проглоченных моими ногами, я вижу стражей, охраняющих скалистую стену – границу владений Хозяина их душ. Они могли бы остановить меня сейчас, и я бы приветствовала это едва что-то чувствуя, ведь сейчас физическая боль – ничто по сравнению с тем, что разрывает меня изнутри. Но, вопреки моим мыслям, легионы воинов расступаются, склоняя головы в безмолвном поклоне. Словно знали, что я приду.

За стеной Тьма сгущается до осязаемой плотности. Воздух становится раскаленным, обжигая легкие, крадя каждый вдох. Хрип вырывается из моей груди. Я вижу отблеск пламени у подножья скалы внизу от места, куда забралась и,

словно мотылек на свет, бросаюсь вниз к нему сквозь все преграды. Я больше не вижу ничего: ни острых клыков скал, о которые спотыкаюсь и падаю, разбивая ноги и голову, ни ледяных объятий кустарников, рвущих мою плоть и оставляющих клочья одежды на своих колючих знаменах. Ничто не может остановить меня, ничто не может причинить боль, сильнее той, что я уже ношу в себе – боли утраты.

Когда до огня остается совсем, он гаснет, оставляя меня в крошечной тьме. Я спустилась с высоких скал или упала с них, я не знаю, но знаю, что я стою на своих ногах.

– ВЕЛИАР!!! – кричу я в ненавистное небо, выпуская на волю все свое отчаяние, разрушая плотину самоконтроля. Потоки слез, водопад гнева и бессилия обрушиваются на меня. Мой голос эхом разносится по Небу. Истощенная, почти переставшая дышать, я роняю факел к своим ногам и падаю на колени.

Сильные руки подхватывают меня, не давая коснуться земли. Велиар поднимает меня, прижимая к своему горячему, обнаженному телу, к своему сердцу.

Огонь от моего факела лижет ледяную траву и точно такие же мои ледяные ноги. Я обрывками дыхания ловлю воздух, смотря на Темного Владыку сквозь пелену слез.

Он все понял.

– Вирсавия. Дыши.

– Он ранил и меня – пытаюсь сказать я, – Теперь на моей душе тоже есть – Глаза закатываются. Дыхание становится

мучительно медленным, недостаточным для жизни.

– ДЫШИ! – рычит сквозь зубы Владыка Тьмы, в чьи руки я вложила последние секунды своей жизни.

– шрам – выдыхаю я, и мое дыхание останавливается, оставляя лишь облачко пара.

– ВИРСАВИЯ! НЕТ!!! – ревет сам Дьявол, а Смерть уносит меня в свою Тьму.

Я слышу его приказ воинам – исчезнуть. Затем, он произносит слова, чуждые мне, но пропитанные темной энергией.

И я отдаюсь Тьме.

И Тьма принимает меня.

Глава V: Свет и Тьма

Мои чувства обратились в осколки льда, принявшие причудливую, случайную форму и застывшие в ней. Я способна мыслить холодно и отстранённо, но не могу более напоить жаждущий разум живыми эмоциями и пропустить их сквозь себя. Свет моей души скован мерзлотой. Пришла Тьма, всепоглощающая, как бездонный колодец. И мы остались с ней наедине.

Пытаюсь подняться, но тело – лишь отражение, эфемерное и невесомое, неподвластное воле. Тщетно пытаюсь пошевелить конечностями, поднять руку, чтобы ухватиться хоть за что-то. Память о былой силе, о послушных мышцах – вот всё, что осталось. Сама реальность движений ускользает, словно дым. Превозмогая себя, открываю глаза и вижу лишь кромешную Тьму. Безмолвный крик о помощи застревает в горле. Судорожные вдохи и выдохи, невозможные для мёртвых, разрывают тишину. Кажется, плоть моя предана земле, но сознание бьётся в агонии. Душа всё ещё здесь, пленённая в этом тёмном коконе, а значит, Господь не спешит призвать меня к себе. Но именно за этим я переступила мост и пошла к Тьме. Именно за этим я пришла к Велиару. Чтобы умереть. Умереть, чтобы догнать душу Татианы и вернуть её обратно. Чтобы поспорить с Господом и умолить его. И вероятно, я что-то делаю не так, раз Он медлит с избавлением моего тела

от души. Но как умирать правильно? Этому искусству меня никто не обучал.

Покой разве не его Отец Небесный обещал тем, чей земной путь завершён? Но как достичь этого состояния, когда меня раздирает буря негативных чувств? Непонимание души, словно удавка. Я знаю одно, что ничего не знаю.

Ныряю ещё глубже в эту бездонную пропасть Тьмы.

Своим творением Господь даровал людям возможность избежать греха. Он простил их несовершенную природу, щедро наделив способностью использовать иррациональные силы Райской реки, чтобы, следуя Его заповедям, вновь приблизиться к Его образу и подобию. И вот теперь Он отнимает у нас Истинные Знания. Он забрал Татиану

За что?! Почему?!

Как воды Эдемской реки наполняют океаны и иные водные источники живительной силой, когда вместо четырёх потоков Землю будут орошать лишь три? Как человек сбросит с себя пелену бездумности, обретёт истинный смысл жизни, принесёт пользу миру и передаст мудрость потомкам, если иссякает источник Великих Знаний?

Сквозь пелену Тьмы проступает сгусток туманного Света – мои воспоминания:

– и на Земле останется только Свет и Тьма, ведущие вечную борьбу за единоличную власть над душами живущих, – однажды утром, вплетая цветы в мои волосы, неожиданно произнесла Татиана.

Она говорила об этом с невозмутимым спокойствием, будто всегда была готова. Но я я никогда не была готова.

– Останутся только Евфрат и Хиддекель, – тихо шепчу я в ответ воспоминаниям, наконец постигая истинный смысл её слов. Останусь только я и Велиар. И теперь уже слишком поздно к этому готовиться.

Неужели Татиана знала это с самого начала? В этом заключалась её миссия на Земле? Хранить тайну о грядущей величайшей битве между Силами Света и Силами Тьмы? К тому времени люди забудут о реках Эдема, перестанут искать в них силу и с радостью отдадут свои души Велиару, направляющему Хиддекель во все уголки земли, забирая сотни душ в секунду. А меня Велиар просто уничтожит, даже не моргнув, несмотря на то, что наши отношения, казалось, стали почти добрыми. И тут меня озаряет ужасное понимание, какую непоправимую ошибку я совершила.

Велиар не убьёт меня. Нельзя убить того, кто сам себя довёл до смерти и уже мёртв. Битвы не будет. Я трусливо сбегала ещё до её начала, надеясь догнать и вернуть душу Татианы на пути в Рай и вместо этого попала в одну из темниц Ада.

Грудь обжигает невыносимым огнём, и рот жадно глотает первый настоящий вдох. Тьма впускает внутрь меня оранжевые отблески Света, и я издаю нечеловеческий крик, переходящий в вой. Затем, словно чья-то всемогущая рука хватает меня за голову и пронзает её тем же огнём, меняя всё моё

прежнее восприятие.

Если в состоянии смерти, во Тьме, могут существовать и другие Силы, и Свет, то может быть, Тьму можно разбавить? Создать в ней нечто совершенно новое, невиданное доселе? Силу равенства, единства двух вечных противоположностей, способную даровать людям новую, невиданную ранее Светлую жизнь?

Моя спина выгибается дугой, поднимая грудь вверх. Раздается хруст костей. Глаза слепит насыщенный, яркий, но приятный Свет, похожий на свет дивного, безмятежного заката, пробивающегося сквозь лёгкую дымку синих облаков. Этот Свет, словно иная, новая Сила, растекается от кончиков волос до кончиков пальцев ног. Я открываю глаза по-настоящему. Выдох. Тело бесшумно опускается обратно. Снова темно.

Скорее всего, я уже сгорела дотла, и вскоре сквозь Тьму проступят врата Ада, радостно распахнувшиеся перед самой трусливой из Ведающих Силы Истоков Эдемской реки. Да, наверняка Велиар предал моё, умершее в его объятиях, тело погребальному костру и оставил меня догорать в нём. А приятное ощущение тепла и лёгких прикосновений на моих губах это он развеивает мой прах, который ветер уносит в последнее, лёгкое путешествие. И всё, что мне остаётся – молиться и просить прощения у Бога за совершённую мной непростительную ошибку, которая приведёт всё человечество к самому страшному, беспросветному исходу, к наступ-

лению вечной Тьмы.

Внутри меня хрустнуло, как древний ледник, разломанный тектоническим сдвигом. Осколки замороженных чувств осыпались в бездну, погребая надежду. Из глаз хлынул обжигающий поток скорби, но руки, словно чужие, не слушались, отказываясь заслонить лицо от муки. Вместо этого я ощутила над собой чужую тень, склонившуюся с нежностью палача.

Он, словно скульптор, вылепливает мои щеки ладонями, впитывая каждую слезу, как пустыня – редкий дождь. То смутное прикосновение, что я приняла за дыхание смерти, за прах, развеянный ветром, обрело плоть и кровь. Губы Велиара, властные и неумолимые, вырывали меня из рук Смерти. Он настойчиво и старательно целовал меня всё это время, даруя мне своё горячее дыхание.

Ощущения возвращались, как робкие лучи солнца после долгой ночи. Я чувствовала, как мое тело лежит на чем-то твердом, но обманчиво теплом, словно на ложе из камня и огня.

Мои пальцы, блуждая в темноте, находят шрамы на его лице – отметину греха, печать Дьявола. Вдруг он отстраняется, словно очнувшись от наваждения.

– А если бы это был не я? – Его голос, строгий и бархатный, звучал, как рокот магмы в глубине земли.

Я замираю, всматриваясь в беспросветный мрак, пытаюсь отыскать в нем знакомые черты его взгляда. Не для того, что-

бы убедиться в его присутствии, а потому, что всей душой люблю эти глаза, этот бездонный колодец надежды. Надежды на то, что он не весь – Тьма, что в его душе, как говорила Бабушка, теплится искра Света. Света, который он прячет от мира, но не от меня. Света, что делает его тем, кого я люблю. Света, чтобы коснуться которого, я готова спуститься в его личный Ад.

– Это всегда должен быть только ты, – отвечаю тихо, обнажая перед ним – и перед собой – свои чувства. Голос дрожит, словно крылья раненой птицы.

– Кто – я? – спросил Велиар, убирая руки с моего лица, но тут же заключая мои запястья в плен своих ладоней. Он ласкает кожу, словно умиряя дикого зверя. – Назови мое имя так, как это можешь только ты. Так, словно даешь мне понять, что я должен принадлежать только тебе.

Тепло разливается по телу, перерастая в трепетное касание ветра, зародившегося внизу живота. Его руки сжимаются, давая мне почувствовать пульс жизни, бьющийся в унисон в наших венах. Дыхание сбивается, откровения рвутся наружу. Две противоположности, обреченные на вечное противостояние, начинают понимать друг друга без слов, на уровне ощущений и движений. Я вдыхаю полной грудью воздух, наполненный Силой моей любви к нему.

– Велиар – Имя слетает с губ тихим шепотом, словно молитва и проклятие одновременно. Я прижимаю его к себе, закрываю глаза и жадно, осознанно целую самого Дьявола,

вкушая кисло-сладкий яд его губ.

Его руки везде: в волосах, на шее, на талии, на бедрах и снова в волосах Он касается каждой желанной им части моего тела, но делает это с осторожностью, словно боясь разбить хрупкий сосуд. Я никогда не видела его таким: пылким и страстным, нежным и заботливым. Таким близким.

С каждым мгновением я испытываю непередаваемый трепет, волнение и непреодолимое желание слиться с ним воедино. Именно таким был наш первый поцелуй – возвращающий к жизни.

– Тебе нужно еще немного поспать, – говорит он, едва отрываясь.

В ответ я судорожно прижимаюсь к нему еще сильнее.

– Я проведу эту ночь с тобой, Вирсавия, – шепчет Велиар, целуя меня в шею. – Пока я не излечу всю тебя, ты – моя.

Он аккуратно переворачивает меня на бок и ложится сзади, обнимая за талию и прижимая к своему горячему телу. Его голос, словно колыбельная, усыпляюще шепчет красиво звучащие слова на незнакомом языке, перемежающиеся с прикосновениями его дыхания к моему уху и плечам. Все это располагает к полному доверию и способствует моему беспрекословному усыплению.

Перед тем, как заснуть, эту ночь моего возрождения из пепла я провозгласила благословенной, с молитвой о том, что Господь благословит меня на свершение того, что я решила сделать, как только тому наступит пора.

Перед тем, как открыть глаза, я осознаю, что могу дышать. Не знаю, как долго я спала, но едва очнувшись, снова начала искать того, чье дыхание мы разделили на двоих. И нахожу его.

Он внимательно смотрит в мои глаза, сидя на камне поодаль.

– Я еще смирюсь с тем, что ты не подумала обо мне, собираясь сбежать к своему Господу. Но твой Сад, о цветах ты хоть подумала? – Обнажая свои зубы в усмешке, произнес Владыка Тьмы, как выговор за мое плохое поведение.

Меня пугает странное спокойствие, с которым я воспринимаю его слова. Постепенно вспоминая настоящие причины своего поступка, я понимаю, что контролирую себя и свои эмоции, продолжая лежать и не пытаясь двигаться. Начинаю рассматривать все вокруг. Велиар принес меня в свои покои, расположенные в Чёрной Скале. Вход лучам солнечного света преграждает тёмная ткань, идентичная его одежаниям, закрепленная сверху. Мое тело, действительно, лежит на шкурах убитых зверей, разбросанных на камне. Рядом дымится огонь. У моей правой руки лежит зелёный лист с маленькими черными ягодами, которых я никогда не видела. Он накрыл меня своим тёмным одеянием, скрывающим разодранную одежду и израненное тело, стонущее и пульсирующее в такт боли. Я приподнимаюсь, чтобы осмотреться, но он тут же приближается и одним касанием рук к моим плечам болезненно прижимает меня обратно.

– Не сегодня, Вирсавия.

Я понимаю, почему он ответил именно так, но продолжаю игнорировать боль.

– Что произошло?

– Многочисленные раны, – быстро отвечает он.

– Нет, – мотаю головой из стороны в сторону. – Не это.

Я тяжело сглатываю. Велиар приседает, храня молчание, а затем он заговорил:

– Ты испытала настоящие, убивающие чувства, мощь которых никогда не могла вообразить. Вы, Ведающие, думаете, что воплощаете совершенство человека и знаете все о его ощущениях, но если бы не были так сильно привязаны к своей вере, давно бы узрели свою наивность. – Он говорит свысока, словно отчеканивая каждое слово, чтобы я вникла в его смысл и почувствовала вину.

Перед моими глазами проносятся обрывки воспоминаний о том вечере, когда Татианы не стало. Я крепко зажмуриваюсь.

– Твое сознание стало извержением вулкана. И оно изверглось. Стоило тебе погрузиться в свои магматические, намертво обжигающие чувства, в их нестерпимую боль, как ты перестала контролировать свои действия, раня тело неконтролируемыми движениями.

Очередные эпизоды: обрывы, острые камни, сухие ветви деревьев и огонь.

– В этом состоянии ты не контролировала даже дыхание.

Без контроля мыслей тело не помнит, как дышать.

– Поэтому я начала задыхаться, добравшись до тебя, – проговариваю, вспоминая те бесконечные секунды.

Он кивает.

– Затем ты обессилела и уронила факел прямо на себя. Пламя подожгло не только одежду, но и плоть, – цедит он, сдавливая кулаки.

Заметив это, я смущенно отворачиваюсь.

– Теперь, должно быть, противно на меня смотреть.

Он снова приближается, разворачивая меня к себе. Его зрачки расширились, заполняя тьмой всю синеву глаз.

– Никогда не говори так, поняла меня? – Его голос повышается. – Я зол на себя, потому что в тот момент, когда должен был быть рядом, я был на поле боя. А когда ты бежала ко мне, я спал, истощенный им. Очнулся, только когда услышал свое имя на твоих устах. Но не успел до того, как упал факел. – Велиар глубоко вдыхает, глядя мне прямо в глаза. – Это моя вина.

– Ты не виноват в том, что я сделала, – протестую я. – Мне хотелось умереть, чтобы догнать душу Татианы и оградить ее от Создателя. Я хотела возразить Его воле, даже обвинить в несправедливости И надеялась, что ты pomoжешь мне попасть на Небеса, чтобы вернуть душу Бабушки обратно.

– Я бы не сделал этого, – грубо перебивает он. – А душа Татианы уже не вернется. Ни в свое тело, ни в любое другое. Ее место там, где она сейчас – на пути в заслуженный Рай.

Свою миссию на Земле Первая Ниспосланная Ведающая выполнила и ушла с уверенностью, что ее дело будет продолжено, в первую очередь, тобой! Тянув ее назад, причинишь ей лишь боль и приравняешь все, что она сделала, к пустоте. – Жестоко поясняет Владыка Тьмы.

– Ты говоришь так потому, что ненавидишь Небеса и не хочешь, чтобы я узнала о них что-то важное? – Мой голос срывается.

– Чтобы попасть на Небо, нужно умереть, а Ведающую может убить только призыв Господа, рука Ведающей или рука того, кто обладает Наивысшей Силой, и никакой тайны в этом нет! – Нервно рычит Велиар. – Ты решила, что я способен убить тебя, но, пока бежала ко мне, смогла сделать это сама!

В гневе он отрывается с места моментально перемещаясь в противоположную сторону и прислоняясь лбом к скале.

– Твоя рука – тоже рука Ведающей. Тебе под силу совершить самоубийство, – сухо продолжает он.

– Поэтому Бог не забрал меня Потому что я неправильно умерла, – срывается с моих губ, после осознания того, что я совершила один из непрощительных грехов. Именно поэтому не добралась до Создателя.

– ОН НЕ ЗАБРАЛ ТЕБЯ ПОТОМУ, ЧТО Я ТАК ЗАХОТЕЛ! – Яростный крик сотрясает Дьявольские покои вместе с грохотом удара кулака о скалу, оставляя на ней след расползающихся трещин.

Веки запорхали, словно раненые бабочки, и я вздрогнула, выныривая из омута собственных дум.

Велиар, словно хищник, почуявший добычу, приблизился к входу и слегка отодвинул полог, жадно вдыхая колкий, влажный воздух улицы. Глубокие вздохи, словно волны, накатывали на него, умиряя бурю внутри. Он долго, словно высекая слова из камня собственной души.

– Я успел укрыть тебя полотном Тьмы, прежде чем твоё сердце остановилось, – наконец прозвучал его голос. – Она, словно ледяной панцирь, сковала тело и заморозила разум, пылающий страстями. А потом я разжигал тебя огнём своей энергии, сосредоточив её в своих руках. Это позволило мне поднимать и опускать твою грудь, заставляя тебя дышать. Я вдыхал в тебя свою Силу, словно жизненный эликсир. Ровно девять ночей.

Разум отказывался верить в эту невысказанную явь. Девять ночей Велиар стоял на страже моей души, не давая ей упорхнуть в объятия смерти, пока я, в свою очередь, металась в поисках покоя, готовясь предстать пред ликом Смерти, чтобы вымолить путь к Господу. – Я видела Свет, насыщенный, как багряный закат, где алое солнце целуется с небесными облаками. Он был таким манящим, таким нежным вначале, а потом он испепелял меня, словно Адское пламя.

– Да, я тоже видел этот Свет. И горел вместе с тобой, – Владыка Тёмных Вод соизволил повернуться ко мне, и в уголках его губ мелькнула зловещая улыбка.

– Ты? Но как? – Я вновь попыталась подняться, но его властный кивок, словно удар хлыста, заставил меня подчиниться и вновь опуститься на камень.

– Это у тебя надо спросить.

– Я не понимаю – Наши Силы сплелись воедино. Я впустил в тебя свою Тьму, лишая твои эмоции былой яркости, погружая их в беспросветную ночь. А ты, словно луч солнца, пробилась в мою душу, не только передав боль своего сердца, но и усилив все мои чувства, доселе насильно усыпленные. Мы обменялись энергиями, словно кровью. Без взаимного желания это – невозможно, – он сделал акцент на последнем слове, словно ставя печать на своих словах. – Эта связь внутри нас, словно спящий зверь, и останется там надолго. Иногда ты будешь ощущать в себе. А Если быть точнее, то меня. Хотя – он бросил эти слова едва слышно, словно размышляя вслух, – я бы предпочёл, чтобы ты чувствовала меня иным способом.

Теперь я понимала, почему мои чувства притупились, почему я рассуждала так отчётливо, когда мы с Велиаром были энергетически едины, словно два берега одной реки. От одного лишь воспоминания об этом ощущении и от его последних слов ко мне вновь вернулось то трепетное, щемящее чувство зарождения чего-то неизведанного. Ничто не сравнится с этим моментом, который теперь навеки запечатлен в моей памяти, словно высечен на скрижалях судьбы.

– Как ты справился с моей и своей болью одновременно?

– Со своей болью я свыкся так давно, что она больше не убивает меня. Как и любая другая боль, – гордо прозвучал его ответ.

– То есть, мне не удалось дотронуться до твоей души?

Вот то решение, в свершении которого я молила Бога о благословении, засыпая в объятиях Владыки Тьмы. Мне необходимо овладеть своей Силой в совершенстве, чтобы достичь самых сокровенных глубин Велиара и отыскать в них искру Света. Я не смогу в одиночку противостоять Тьме в битве за людские жизни. Но, может быть, теперь, когда наши Силы оказались переплетены, и это, по словам Велиара, продлится долго, я смогу рассеивать Тьму в его душе своим Светом, влияя на мысли Тёмного, а, следовательно, и на его поступки, возвращая в нём ростки душевности, которая спасёт всех нас, постепенно искореняя в нём Дьявола?

Велиар закатил глаза, словно устав от моих наивных грез.

– По многочисленным источникам известно, что у меня нет души.

Он не лгал. Эта истина была известна всем, без исключения. Однако моя правда о нём была иной, и я не собиралась настаивать на ней, понимая, сколько времени потребуется для того, чтобы мы пришли к согласию.

Я сменила тему, не желая, чтобы он заподозрил истинную суть моих мыслей.

– Ты испытывал это раньше? – Неожиданно для себя я почувствовала жгучий интерес к тому, было ли у Велиара

подобное с кем-то ещё. И я поклялась бы перед Создателем, что не желала услышать положительный ответ.

Он задумался, словно перебирая в памяти осколки прошлого.

– С женщинами Когда овладевал их плотью, – прозвучал его ответ с издевкой. Я скривилась, словно от горького привкуса во рту.

– Конечно, нет, Вирсавия, – внезапно пояснил Дьявол. – До тебя я не вдыхал свою Силу ни в одну душу. – Он облокотился спиной на скалу и скрестил руки на груди. – И уж тем более, не целовался с Ведающей, – его улыбка расцвела во всю ширь, насколько это было возможно.

Моя рука нащупала одну из шкур, лежащих у левого ребра, и я швырнула её прямо в ухмыляющегося мужчину. Он моментально подхватил её.

– Да ладно! Тебе понравилось это не меньше, чем мне. Я же сказал – невозможно без взаимного желания! – Глаза Падшего вновь вспыхнули неземным огнём. – Так что оставь шкуры при себе, ты можешь укрыться ими и скрыть свой стыдливый румянец на щеках, – он подчеркнул, что уже видит его присутствие на моём лице.

Но в этот момент мне не было стыдно ни за свой поступок, ни за то, что отражалось на щеках.

Впервые мы разговаривали с ним так открыто, без моей излишней эмоциональности, которая часто служила мне во вред, останавливая меня. Именно поэтому сейчас, пока я об-

ладада этой отстранённостью, благодаря Силе Тьмы, я должна спросить то, что так давно мучило меня.

– Я я думала – начала я. – Ты сказал, что помнишь, кто нанёс тебе шрамы. Значит, Создатель не лишил тебя памяти, как нас. С тех пор, как ты это сказал, во мне зародилось столько вопросов к тебе! И я чувствую, что ответы, которые ты мне дашь, прольют свет на то, почему жизнь именно такая – Слова лились из меня потоком, пока Велиар не заставил меня замолчать, прикрыв мой рот ладонью, вновь оказавшись рядом.

– Всё, что я помню, это страдания от потери своих братьев и сестёр, которых твой Бог отправлял на борьбу со своим Братом. Так что я прекрасно понимаю твою боль скорби, женщина, и ощущение, что жизнь – это одно сплошное страдание! И, знаешь, сколько бы времени ни прошло после ухода Татианы, тебе никогда не станет легче, а наоборот. Будет лишь больнее и больнее с каждым прожитым днём.

Ещё никогда Велиар не говорил о своих чувствах, о которых Бабушка догадывалась или уже знала. Теперь её слова подтвердились им же. Но больше всего меня поразило то, что до этого никто не говорил мне. То, что у Создателя есть Брат, стало настоящим откровением, меняющим абсолютно всё.

– Я до последнего стоял за Него, пока не понял, что потери будут бесконечными, а их борьба – ничто иное, как игра двух младенцев, не поделивших игрушку, – Тёмный прервался,

чтобы перевести дух. – Был бы мой Отец мудрее, нашёл бы иное решение, вместо того, чтобы посылать своих детей в Ад. – Он говорил отчётливо и жестоко, в каждом слове звучала ненависть к своим воспоминаниям. – Я высказал ему своё недовольство в лицо. Но вместо того, чтобы вместе с Братом прийти к примирению и править вдвоём, разделяя полномочия, Он поднял руку на своего последнего, оставшегося на Небесах, Сына.

Я потеряла дар речи от услышанного. Приспешник Дьявола оказался, в действительности, не отродьем Ада, а настоящим Сыном Божьим.

– После того, как Отец назвал меня Приспешником и раскроил мне череп и щёку, Он перестал быть мне Отцом, – Велиар убрал свою ладонь, освобождая мои губы. – Я сам пал с Небес и провозгласил себя Дьяволом, перейдя на сторону Брата твоего Создателя. Хочешь – верь, а хочешь – нет, но Его цели и поступки оказались куда более логичными, нежели Воля Божья. Ты ещё слишком юна, чтобы увидеть всё моими глазами. Но первая потеря, которую ты испытала, стала первым толчком к этому.

– Первое, что я увижу твоими глазами, будет то, как ты забираешь людские души и убиваешь обычных людей в обычной войне среди смертных? – смело перебила я его.

– Я не краду души. Хиддекель заполняет их Тьмой разочарования и скорби настолько, что после этого люди перестают уповать на своего Создателя и начинают мыслить трезво, на-

деясь лишь на себя, видя Его жестокость, несправедливость и ошибки. Это освобождает их от вечного забвения верой и приближает к Божьему Брату. Они перестают тратить свою короткую единственную жизнь на слепую любовь и молитвы и доживают свои дни в наслаждении жизнью, прекращая жертвовать ею во искупление. А войны необходимы для очищения Земли, Вирсавия. Вторую Землю Бог не создавал и вряд ли создаст, для этого нужна Сила двух Братьев. Если бы не войны, болезни, стихии, то места всем живым здесь не хватило бы. Также, как и не хватило бы его, став все бес- смертными.

– Всё это тебе поведал Брат Создателя? – Я вложила всё своё недоверие в голос.

– Всё это увидел я сам, пав с Небес, – подытожил Падший. Наш честный разговор прервал воин, стоящий у входа в покои Тёмного, чей силуэт виднелся сквозь полог. Велиар подошёл к выходу и медленно открыл завесу, ослепляя меня светом. Мои глаза крепко зажмурились, пытаюсь спрятаться от резкой боли под веками.

– Владыка, – уважительно произнёс воин.

Постепенно открывая глаза, я ощущала, как по щекам стекают капли слёз. Велиар сделал несколько шагов из своих покоев навстречу воину. Провожая его взглядом, через приоткрытую завесу я заметила надвигающиеся снежные тучи. Зима вступила в свои права. Воин низко поклонился, протягивая в руке что-то своему Господину.

– Передай ей, что она скоро вернётся, – проговорил Хозяин Тьмы и зашёл обратно, вновь скрывая свет за собой и завесой.

Они говорили о Еврелии. Она ждёт меня.

– Я бы кинул тебя в Гихон лично, но твоя Земная Мать не оценила бы этого поступка. Поэтому – Мужчина протянул ко мне белый камень, в выемке которого плескалась Живая Вода. – Я попросил её даровать это для тебя. Он опустился на колени перед моими ступнями и положил камень у моих ног. Тёмный сжал пальцами нижний край своего одеяния, которое накрывало меня.

Теперь я видела, как мы похожи. Велиар тоже хотел возразить Божьей Воле, но был ранен вновь. Мне он не дал совершить свою же ошибку, сохраняя меня здесь, на Земле, для того, чтобы чтить память о Татиане уже в своих, основанных на её учениях, поступках, смыслом которых всегда было благо людей. Но почему он сделал это? Почему вдыхал в меня свою Силу как Дьявол, а затем неистово целовал как обычный мужчина и вдыхал в меня жизнь, подобно Богу? Зачем рассказал мне ту правду, с которой боролся самостоятельно, сделав в итоге тот выбор, который привёл его ко всеобщей ненависти?

— Не надо, — мой голос звенел сталью, когда я сжала ткань, словно последнюю нить, связывающую меня с миром живых, крепко прижимая её к израненной груди и тем самым запрещая Велиару продолжать то, что он собирался делать.

— Этого требуют твои раны, — настаивал Падший, и в голосе его звучала тень укора. — Если так будет спокойнее, я сделаю это в темноте, отвернувшись. Но не потому, что мне неприятно смотреть на твои шрамы, как ты сказала. Совсем не поэтому.

— Не надо, — повторила я, словно заклиная себя. — Я должна справиться сама. Боль станет напоминанием о дне, когда меня изранила Воля Божья. Впервые. — Я произнесла это, сравнивая свои шрамы с его, и мой голос звучал отстраненно, чуждо. Казалось, за эти девять дней Велиар выковал из меня другую Вирсавию, ту, что способна говорить, когда я сама не в силах.

Он отпустил ткань, подперев подбородок коленом и погружившись в созерцание. Я же, собрав волю в кулак, запретила себе издать хоть стон. Напряжение пронзило тело, и сквозь раны проступила кровь, обагривая мою плоть багряным исповеданием боли. Стиснув зубы, подтянув ноги, я поднялась, облачаясь в черные одеяния Владыки Тьмы, что укрывали меня, словно саван. Накинув ткань на голову, я скрылась в тени, став воплощением ночи. Отныне, я провозгласила чёрный ритуальным цветом.

Теперь я смотрела на Велиара сверху вниз, чувствуя себя им, — вершителем судеб, окутанным пеленой власти.

— Сейчас я уйду. И сорок ночей, до дня поминовения Татианы, я буду носить эти чёрные одежды и свои раны как знамя скорби, пытаюсь возродить её Силу, дать ей достойное

продолжение. — Мой взгляд не дрогнул под пристальным взглядом Велиара. — Живую Воду в камне из реки Гихон я дарую твоим израненным воинам, по капле каждому, на весь период ледяного безвременья.

И сейчас я скажу ему то, что изменит абсолютно всё в том предстоящем, которого я желаю для жизни на этой Земле. Я сделаю ему то предложение, на которое никогда бы не решилась, если бы всё ещё была собой до случившегося.

— Когда земля вновь откроется семени, приходи на мост, и мы встретимся.

Владыка Тьмы не спешил подняться, напротив, он остался у моих ног, словно поверженный. В его глазах плясали огни, зубы оскಾಲились в улыбке. Рука скользнула под мой траурный покров, обнажив часть моей изуродованной ожогом ноги. Его прикосновение не сломило моей сосредоточенности, ровного, редкого и мучительно болезненного дыхания. Дьявол склонился, прикоснувшись губами к моей пылающей коже. Моё тело пульсировало в агонии, но я не имела права выдать эту боль, даже самой себе. Выпрямившись, Велиар заглянул в самую глубь моих глаз, словно благословляя.

— Боже, храни Ведающую, ибо ведает, что творит.

Глава VI: Обряд

Снег, словно саван, уже успел укрыть израненную землю, пока я умирала и воскресала в покоях Велиара. На мне лишь его чёрное одеяние, зловещим шлейфом скользившее по земле, гонимое ледяным ветром, словно призрачные объятия. Босыми ступнями ступаю по тропе, некогда опалённой моим отчаянным бегством к нему в мольбе о даровании смерти девять ночей назад. Но сейчас этот путь чужд и незнаком. Холод, пронзающий до костей, более не страшит – он стал частью меня, вьелся в самую суть. Гранитные хребты скал, изрезанные временем и бурями, казались неприступными бастионами, но я, обезумевшая от горя, карабкалась по ним, падая на острые осколки, не чувствуя боли. Лишь сейчас, когда взгляд касается этих отметин, тело с запоздалым стоном напоминает о перенесённых муках.

Перед тем как отпустить меня, Велиар сказал мне идти по тропе, спрятанной под сенью древних сосен, вдоль среднего и большого хребта, а затем – взобраться на остриё скалы, что пронзает снежные тучи и туман, освещённой бледным, как лик Смерти, солнцем. Это – единственный путь к его покоям и многого можно было бы избежать, знай я об этом ранее.

Каждый шаг, как удар погребального колокола, отзывается хрустом под ногами, символизируя мою сломанную сущность. Но, несмотря на это, голову я держу гордо, словно зна-

мя поверженной армии, выполняя данное самой себе клятву.

Вдали мелькают стражники, предвестники моста и границы владений Владыки Тёмных Вод. Мужчины вновь склоняются в поклоне, а один из них окликает меня. Поворачиваюсь медленно, и узнаю воина, что приносил Живую Воду в покой своего Господина.

– Владыка распорядился передать Вам это, – воин протягивает ладонь, в которой покоится тот самый зелёный лист с чёрными ягодами. – Он сказал, что это всегда должно принадлежать только Вам.

В глазах – отблеск минувшей ночи, когда я обращалась к самому Велиару с подобными словами. Неужели это – его взаимность, отголосок чувств? Или всего лишь очередная дьявольская насмешка?

Безмолвно принимаю дары, благодарно кивая всем, кто меня окружает. Прежде, чем покинуть владения Тёмного, стараюсь осмотреть каждое лицо стоящих рядом воинов его армии. Юноши с лицами, изъеденными страданиями, в глазах – тот же холод и отчуждённость, что теперь терзают и меня. Их тела, как и моё, изранены и истощены.

Я не ошиблась. Живая Вода им жизненно необходима. У многих раны слишком глубоки. Теперь многие из Легиона переживут эту зиму. Возможно, Бог осудит меня за заботу о слугах Дьявола. Но для меня они, прежде всего, люди. А кто теперь для меня Бог?!

Подойдя к мосту, меня охватывает дрожь. Ступни око-

ченели. Пытаюсь дышать глубже, как это делал Велиар, когда укрощал бурю в своей душе. Делаю нерешительные шаги вперёд, опускаю голову, глядя под ноги. Дохожу до середины моста и снова поднимаю взгляд. То, что осталось от реки Фисон, заставляет меня упасть на колени. Исток её исчез за первым же поворотом русла. Вода скована льдом, в котором мерещится образ Татианы.

– Ты со всем справишься. Я верю в тебя, – её голос эхом разносится над моей головой.

– У меня мало времени, – испуганно шепчу я.

Перевожу взгляд на Гихон – её воды всё так же быстры и стремительны, как сама жизнь. Евфрат же – изменилась, как и я. Она остановила своё течение. Её воды потеряли свой насыщенный бирюзовый цвет, а теплота уходит в почти прозрачном испарении. Только Хиддекель остаётся прежней – всё так же буйственна и насыщена Тьмой.

Для того чтобы осуществить задуманное, я должна стать сильней его самого.

Я встаю, оставляя на снегу след своей крови с колен и несколько упавших ягод. Мои ноги ведут меня в дом Бабушки, ставший её усыпальницей.

Еврея была здесь всё это время, охраняя вход от любого, кто мог побеспокоить вечный сон Первой Ниспосланной Ведающей. Как только она увидела меня, её тело вздрогнуло. Она испугалась. Возможно, увидев своё отражение в водах Евфрата, я бы сделала то же самое. Но сейчас мне нельзя бо-

яться. Особенно себя.

– Вирсавия, что? – начинает спрашивать моя Земная Мать, но я не даю ей договорить и, положив на землю лист с ягодами, заключаю её в объятия.

-- Сюда приходил сам Дьявол, – продолжает говорить Еврелия. – Он тоже скорбел о Татиане. А ещё он просил даровать тебе Воду. Но, судя по твоему состоянию, её Сила до тебя так и не была передана?

– Была. Я даровала её его воинам. Не все они переживут зиму. А мои раны – переживут.

Женщина отстраняется от меня, сжимает мои плечи в своих руках и смотрит в глаза.

– Кто нанёс тебе эти раны, дочка?! – Колко вопрошает она.

Я понимаю, что именно её тревожит. Она уверена, что боль мне причинил Велиар.

– Он помог мне, Мама, – исключая её мысли, успокаивающе отвечаю я.

Ведающая руслом Реки Живой Воды ещё какое-то время осматривает меня с головы до ног, а потом вновь обнимает и продолжает рыдать. Она одна переживала все свои эмоции скорби, её слезы не останавливались с того самого мгновения, от чего её лицо опухло. Но сейчас, когда я вернулась, эти эмоции она может разделить на нас двоих.

– Я была не права, – признаюсь я последней, оставшейся на Земле родной мне душе. – Мы должны её отпустить.

Еврелия успокаивающе гладит меня по голове, не пере-

ставая плакать.

– Мы должны помочь ей добраться до Рая, Еврелия, – спокойно говорю я, принимая слова Велиара о том, как тяжело сейчас душе Татианы наблюдать за нами. Я беру лицо Матери в свои руки и вытираю её слёзы. – Наши слёзы размывают ей путь к Господу. Нам нельзя плакать. Мы просто обязаны запретить себе это делать. Всё, чем мы можем сейчас помочь душе Татианы, это стать сильными, дать продолжение её Силе, наполняя её только нашей любовью, а не слезами нашей скорби.

Женщина начинает смотреть на меня совсем другим взглядом.

– В тебе говорит осознанная не по годам мудрость, – одобрительно отвечает она, вместе со мной стирая с себя свои последние слёзы.

Я беру её за руку и делаю шаги к усыпальнице. Внутри неё ещё холодней, чем снаружи. Как только я вижу Татиану, укрытую белой тканью, моё сердце останавливается. За ним свои шаги останавливаю и я, понимая то, что необходимо сделать.

– Нужно предать её тело земле, – шепчет Еврелия, наклоняясь ко лбу Татианы и целуя его.

– Нужно освободить её душу от этого тела, чтобы никто не посмел больше её тревожить, – говорю я, упав у ног Бабушки и обняв их.

– Но как тогда она будет рядом с нами? – не понимая спра-

шивает опешившая от моего ответа Земная Мать.

– Она всегда будет внутри нас, наполнять наши души и заполнять наши воспоминания, – Я передвигаюсь чуть выше и достаю Бабушкину руку из-под ткани, чтобы поцеловать её в последний раз. Её тело, будто, только внешне кажется замерзшим, потому, что от руки Бабушки я чувствую тепло её Силы. Я закрываю глаза и мысленно проговариваю ей: -- Я справлюсь. Я не подведу тебя, Бабушка.

Пробыв с Татианой ещё какое-то время, Еврелия отправилась собирать сухие ветви, а я – всё ещё цветущие цветы в нашем Саду. Мой выбор остановился на хризантемах, стойко стоявших даже под натиском первой прохлады. Я срываю все бутоны. Столько, сколько смогу унести, и снова возвращаюсь, чтобы проделать это вновь, для того, чтобы осыпать всё тело Первой Ведающей Силами Эдемской Реки.

Как только Еврелия разложила достаточно ветвей для огня, мы переложили на них тело Татианы. Затем, стараясь оттянуть наступление прощания, аккуратно украшали её собранными цветами. С возложением каждого бутона, мы вслух благодарили Татиану за то, что она сделала для нас, а особенно, для людей, которые никогда не смогут узнать об этом и, как мы сейчас, выразить своё уважение. И все наши слова ловил погребальный костёр, отвечая своим треском.

Мы нашли в себе смелость попрощаться с ней.

Мы нашли в себе силы оставить её одну.

Но нам ещё только предстоит найти в себе мужество,

остаться одним. Жить.

Без неё.

Время не шло. Оно остановилось, вдавливая меня всем своим титаническим весом в землю. Холод Тьмы покидал моё тело и разум, и Великая Скорбь теперь полноценно текла в моих синих, отчетливо просвечивающих сквозь побледневшую и натянутую кожу, венах.

В застывшем состоянии я могла пребывать ни по одному дню. Мне не нужно было моргать. Мне не нужно было знать, какое время суток. Мне не нужна была еда. Я не хотела никого слышать и никого видеть. Единственное, что я могла, так это выполнять обязанности Татианы, при этом понимая, что чего бы я не сделала и как бы я не старалась, это никогда не будет схоже с её трудом. Всё, о чём я думала, так это о том, как сделать всё то, что не успела сделать Татиана и делать это хотя бы немного, но как она. Но правда в том, что я никогда не смогу даже приблизиться к тому, чтобы быть достойным её продолжением. В этом мой страх, мои сожаления и моя вина.

Ежесекундно я чувствовала, как умираю. Как снова бегу в Тьму и поджигаю себя. Оттуда меня доставали слова Дьявола «нельзя плакать, ты сделаешь ей только хуже». И я, действительно, не могла плакать. Потому, что всегда буду любить и заботиться о душе Татианы. Потому, что он так сказал. Потому, что я ему верю.

Бабушка возложила на меня ту ношу, которую я не могу

нести, но обязана сделать всё, для того, чтобы не упасть, а двигаться дальше, с ней на своих плечах. Вместе с её верой, с её Силой, но за неё. Однажды, я поймала себя на мысли, что даже с Еврелией говорю, будто бы я – её Земная Мать, а не она – моя. Я успокаивала её. Гладила по голове. Заплетала в её волосы цветы. Давала советы, как лучше распланировать свою деятельность этим или иным днём. И сказано всё это Бабушкиными словами, что я привыкла слышать, знать и понимать. Она была во мне и останется навсегда.

Еврелия скорбела по-своему. Она много трудилась. Взяла на себя Силу Реки Татианы и ответственность за то, как распорядиться Истоком.

Каждое утро и вечер мы были у пепелища покоев Первой Ведающей, где теперь, словно надгробья, возвышались каменные плиты – немые свидетели ее вечного упокоения.

Я никогда не смогу вырваться из когтей пережитого. Как и не смогу простить Богу ту первую, вонзившуюся под ребра боль, когда он отнял у меня Бабушку. И это не шепот Тьмы в моем сознании. Это моя выстрадавшая, кровавая правда.

«Останетесь только Тьма и Свет. Ты и Велиар». Эти слова, словно горький хлеб, я вкушала ежедневно, заменяя ими завтрак, обед и ужин. И когда, наконец, насытилась ими настолько, что смогла, вопреки всему, двигаться дальше, как и хотела Татиана, я пришла на мост. Туда, где мной и была назначена моя встреча с Владыкой Тёмных Вод.

Время земле принять семя.

Весна должна вот-вот прийти.

Тот новый Свет, что я увидела в миг его исцеляющего прикосновения, стал путеводной звездой моего существования. Вера в то, что вместе мы сможем выковать, породить новую Силу, вела меня сквозь Тьму к этому мосту. Если Татiana предвидела этот союз, если он необходим, если он способен принести благо, новое спасение человечеству, то я здесь, чтобы стать его частью. Чтобы спасти и его, и себя, и всех, кто погибает под толщей Тьмы, оставленной нам Отцом. И нет во мне страха, что в этом союзе Свет будет поглощен Тьмой. Я свято верю, что смогу омыть ее, очистить от любой боли и скорби.

Я стою на мосту, вглядываясь в вечернее, почти черное небо. Он явился, когда вспыхнули первые звезды. Велиар просто встал рядом, молча разделяя со мной эту ночь.

Слова засыхали в горле. Даже с Еврелией говорить было мучительно, а это казалось непосильной задачей. Все мои разговоры томились в заточении молчания, рождая лишь оглушительный гул в собственной голове, скрывающий истошный крик боли. Но ему не нужно было об этом говорить. Он и так видел меня. Словно насквозь прозрачную воду, видел каждую трещину, каждый шрам на моей душе.

На рассвете он коснулся моего плеча рукой, нежно похлопав, и растаял в воздухе. Эти безмолвные встречи повторялись ночь за ночью, лишённые даже движений, но не смысла. Мы слышали дыхание друг друга. Он разделял со мной ту

бурю, что клокотала внутри, готовая вырваться наружу. Но не трогал воспаленную рану, ждал, когда утихнет жар, чтобы прикоснуться к ней своим словом. И когда я поняла его, я заговорила первой.

– Ты всё это время был один во Тьме. А теперь мы делим ее на двоих.

Он разделил со мной свою Тьму не только для того, чтобы вдохнуть ее в меня и спасти от смерти. Он разделил со мной черноту ночного неба. Чтобы продолжать быть рядом.

– Ты преуспеваешь, Ведающая. Слишком хорошо для той, кто не испила из Истока, Исцеляющего Душу, чтобы залечить собственные раны.

Да. Я не пила Воду Евфрата. Не исцеляла себя. Не сбросила с плеч титаническую тяжесть боли. Не вдохнула жизнь Силы Света в свою израненную душу. Сколько бы Еврелия ни молила меня об этом. Я настояла, чтобы исцеляющий глоток сделала она. Сама же не притронулась к животворящей Воде. Чтобы моя боль служила мне топливом, вела меня вперед, пока я не исполню свой долг.

Что мы теперь будем делать вдвоём в твоей и моей Тьме, Велиар? Рассеивать её. Эти слова застыли у меня в горле, я не решалась произнести их вслух.

– Я не хочу принимать Воду. Я хочу принять тебя.

Я взглянула на него. Впервые с той самой прощальной встречи в его покоях. Оказалось, он все это время смотрел на меня, ждал встречи с моими глазами, как только я начала

говорить. Голова его была склонена набок, как всегда, когда он с лукавым интересом наблюдал за мной. Но на лице не было его привычной усмешки.

– Сама понимаешь, чего хочешь, глупая?

Началось. Снова. Но где его насмешливый тон? Где издевки и желание задеть меня этим словом? Почему он говорит это с таким серьезным выражением? Зачем он проводит рукой по моей щеке, обжигая меня прикосновением своей пылающей ладони? Зачем делает шаг навстречу, стирая расстояние между нашими телами? Зачем, замирая, ждет моего ответа искренне и всесогласно отдавая свои глаза мне, не отрываясь?

– Я хочу, чтобы ты принял и полюбил мой Свет, глупый.

Лишенная страха, впитав и вернув все то, что он возвращал во мне все эти годы, смело отвечаю я самому Дьяволу.

Прими Свет, Вирсавия. И сможешь дальше нести его исцеление по Земле.

Прими Тьму, Ведающая. И сможешь исцелить собой и ее.

Глава VII: Слияние Истоков

Я предложила ему сделку, от которой содрогнулась бы сама преисподняя – соединить его душу воедино с моей. Он застыл, словно громом пораженный, лишенный дара речи. И единственное, что его волновало в этот миг – реакция моей Матери.

– Это не имеет значения, – отрезала я, – значение имеет лишь то, как мы станем единым целым. В прошлый раз, когда ты стал частью меня, мне необходимо было умереть.

Я торопливо, с ледяным расчетом, предлагала ему варианты моей кончины. А он молчал, погруженный в пучину раздумий. Ни один мой замысел, видимо, не находил отклика в его разуме. Я перестала бояться смерти, боль утратила свою власть надо мной. Со спокойствием я предлагала ему утопить меня, задушить до последней капли воздуха, нанести смертельные раны, от которых кровь обагрила бы землю и приостановила мою жизнь.

Внезапно он подхватил меня на руки и поставил на холодный каменный борт моста, откуда открывались пути четырех Истоков.

– Я разделяю твои мысли, Вирсавия. Все, кроме твоей смерти.

Велиар прервал меня, словно острым клинком перерубил нить моих безумных предложений. Я и сама не осознавала,

что ему предлагаю, но он, словно читая мои мысли, уловил нечто большее.

– Давай сотворим обряд, прекрасный, словно рассвет после самой темной ночи. О котором будут шептать сердца влюбленных, чьи чувства подобны нашим. Пусть он станет новым ритуалом, что побеждает смерть, – произнес он, и его слова Светом растеклись по моей душе.

Теперь говорил он, а я слушала, внимая каждому его слову. Мы решили встретиться осенью, в пору сбора урожая, когда природа щедро одаривает землю своими плодами. До той поры мы будем готовиться к обряду, который я окрестила как "свадьба".

Еврея, моя Мать, приняла мое решение, хотя я видела в глубине ее души смятение, страх перед тем, что она отдает свою дочь во власть Тьмы, молясь при этом о победе Света. Она пообещала подготовить особую молитву для обряда.

Я шила белое одеяние, шлейф которого тянулся за мной, словно прилив волны, и приготовила вуаль, скрывающую мое лицо. Вместе с Матерью мы украсили мост цветущими бутонами осени.

Закончив последние приготовления, Еврея сообщила мне о неожиданно принятом ей решении. Она взяла мои руки в свои, передавая мне тепло и Силу.

– Теперь ты Ведающая всех трех Рек, – произнесла она, – это мой подарок к вашей свадьбе. Надеюсь, ты сможешь с Силой, что я передаю тебе, совершить то, что тебе предна-

чертано.

Я не могла описать свои чувства. Этот поступок означал, что и Мать, и Бабушка поддерживают меня, отказываясь от своих Сил в мою пользу. Еврелия сохранит свой Исток, сможет исцелять и нести Воду по Свету, но теперь я буду управлять всеми тремя Реками так, как пожелаю и когда мне будет это необходимо.

В назначенный час я пришла к мосту. Он ждал меня, окутанный лучами заходящего солнца, словно сам Дьявол, укрывшийся в закате. С моей стороны была лишь Еврелия, с его – бесчисленная армия воинов.

Еврелия, используя свою Силу, начала поднимать воду из Истока, создавая мелодию, сотканную из журчания и шепота волн. Мне оставалось лишь сделать шаг вперед, начать сближение белого и темного.

Страх отступил, осталась лишь вера в задуманное, в то, что у нас получится. Сердце прерывисто забилося. Что в этот момент чувствовал Владыка Тьмы, оставалось для меня загадкой.

Он был серьезен, но взгляд его был полон нежности. И только тогда я заметила, что мост был украшен цветами, не мной принесенными, а белоснежными, холодными, словно снег, распустившимися бутонами, такими же, как тот цветок, что он подарил мне и который мы посадили в моем Саду. Воины, стоявшие вдоль реки, держали в руках охапки этих цветов, став свидетелями нашего обряда.

Во мне начал таять лед, и я снова почувствовала себя той наивной девочкой, бегущей босиком навстречу ветру, верящей в справедливость и бесконечно любящей жизнь. Той, что могла простить и изменить все одной молитвой, нести Свет, исцеляя им каждого, кто будет в этом нуждаться.

Время словно замерло. Он взял меня за руки. Сердце перестало биться, дыхание остановилось.

Музыка Истока стихла.

Еврея вышла вперед, вставая между нами.

– Готов ли ты, Велиар, принять Божью клятву, данную во спасение души человеческой, и отныне называть её своей женой?

Он не смотрел на нее, его взгляд был устремлен только на меня.

– Она всегда принадлежала только мне.

По коже пробежал озноб.

– Готова ли ты, Дочь Света, принять Божью Тьму и отныне называться ему женой?

Ответ на этот вопрос был причиной всего происходящего. Я сделала глубокий вдох.

– Готова.

Велиар улыбнулся, а Еврея, чуть помедлив, продолжила дрожащим голосом.

– Под взглядом Господа, под этим Небом, пусть все услышат ваше согласие, и пусть благословенна будет отныне и навеки ваша семья.

Женщина хотела продолжить, но Велиар остановил ее тихим "еще кое-что".

Он отпустил мои руки и достал из-под одеяния что-то сверкающее.

– Когда я надену это на твой палец, я буду слышать каждое твое сердцебиение, – прошептал он, надевая свой подарок на мой безымянный палец.

Вероятно, в этом подарке была заключена его Темная магия, не иначе.

– Я назвал это "кольцо", – пояснил он.

Я восхищалась его красотой.

– А как мне услышать твое сердцебиение?

Велиар достал такое же кольцо, большего размера, и предложил мне надеть его на его палец. Что я и сделала с особым ярким желанием.

И только подняв вуаль, он увидел слезы, стекающие по моим щекам.

– Я отдам тебе всю свою Силу, какую ты только захочешь, – завершил он обряд данными словами, и мне следовало вторить ему.

– Я отдам тебе всю свою Силу, которая тебе будет необходима.

Клятва произнесена.

Он обнял мое лицо и поцеловал меня.

Воины бросили белые цветы в реку, означая соединение наших жизней.

Он забрал меня в свои покои, где едва горел огонь. Сейчас произойдет самое важное. Это не первая наша ночь, но первая ночь, где он – мой муж, а я – его жена и, чтобы завершить этот обряд соединения, необходимо приступить к более откровенному его продолжению.

– Ты снова боишься меня, как ребенок.

– Нет, Велиар. Это другой страх. Эта боязнь отличается от той, которую я испытывала в детстве.

– Вирсавия, – шепчет он, обжигая мои губы прикосновением своих пальцев. – Я клянусь, что никогда не причиню тебе боль, которую ты не сможешь пережить.

Его рука обнимает меня за талию, приподнимая вверх.

Я добровольно отдам себя Тьме, впуссу ее в себя, позволю нам раствориться друг в друге, чтобы породить новую Силу, способную спасти нас.

Владыка Тьмы с аккуратностью укладывает меня на своё ложе, и оно становится нашим.

Глава VIII: Обречение

И мы стали едины. Словно два потока, слившиеся в одну Реку, мы делили эту жизнь, чувствуя дыхание друг друга, продолжая друг друга в каждом мгновении. Мы холили и лелеяли наш быт, трудясь бок о бок в моём Саду, а затем, исполняя свой долг, возвращались друг к другу, чтобы любить сильнее, чем в момент расставания. Любовь наша росла, словно лоза, оплетающая два дерева, укореняясь в самой сердцевине нашего существа.

После первой брачной ночи, я ждала появления нашего дитя, в котором бы воплотилась наша общая Сила. Я даже обратилась за помощью к Матери, моля её советом и Силой помочь зачать ребёнка, но та ответила, что в этом деле главенствует лишь воля Божья. Мне же оставалось лишь ждать, словно море ждёт прилива. В этом трепетном ожидании, я вылавливала свадебные цветы из Рек, словно жемчужины из морской пучины, и высаживала их и в своём Саду, и, как хозяйка даже Темных земель, создавала новый Сад на территории Тьмы.

Но более всего моё сердце наполнялось лучистой радостью, когда я видела, как Велиар меняет своё мышление. Словно рассвет, прогоняющий ночную мглу, на смену его безжалостным, леденящим душу деяниям приходила милость и помилование. Мне удалось убедить его не быть столь

жестоким к своим воинам, не карать их смертью за проступки, которые можно простить. Словно скульптор, я смягчила его взгляд и на сами войны, которые стали происходить гораздо реже. Он больше не стремился завоевать каждую пядь земли, принося туда свою Воду. Иногда мы вместе, как два крыла одной птицы, приносили полотна с двумя нашими Истоками, чтобы в каждом новом поселении был и Свет, и Тьма, поровну. Мне нравилось путешествовать с ним. Он, словно вихрь, переносил меня в такие места, где я никогда не бывала. Именно эти места своим ароматом запечатлевались в его запахе, который я с детства вдыхала с замиранием сердца.

Наша жизнь текла неторопливо и сладко.

Вскоре, Мать покинула нас, отправляясь нести по Свету Силу Воды Исцеления. Она сказала, что не вернётся, что будет исполнять свою миссию до тех пор, пока Бог ей позволит. И, как только я осталась одна, обязанностей на мои плечи взвалилось ещё больше. Я делала всё, что было в моих силах. И так продолжалось довольно долго, пока сладость не сменилась горечью, словно яд того самого Змея, незаметно укусившего и медленно отравляющий жизнь.

Мир рос. Росли и потребности человека. А значит, росла и борьба Света и Тьмы за владения в этом новом Мире, словно два хищника, делящие добычу. Рождались новые истории, новые легенды и правила. И новые Боги, которых люди начинали почитать, словно идолов, за каждым образом из

которых не было моего Бога. Прошло много десятков лет, а мы были прежними, словно два окаменевших дерева. Прошло много сотен лет, а мы так и не создали новую Силу, способную решить вопрос всего человечества. Прошли тысячи лет. Я и представить не могла, что вновь увижу в своём муже того, кого мечтала навсегда оставить в прошлом, словно страшный сон. Он вновь становился серьёзным и резким, словно удар хлыста. Часто уходил, ускользая в ночи. Возвращался он не скоро, покрытый ранами и потерявший часть Легиона. Он срывался на крик, как гроза, обрушивающаяся на землю. Выпивал красное вино, словно кровь, пролитую в бою. Оставлял меня одну. И постепенно отдалялся, вновь уходя от меня на Тёмную сторону моста, несмотря на то, что на ней теперь жили мы оба.

В одну из ночей, я снова ждала его возвращения, проводя пальцами по своему обручальному кольцу. Меня утомило ожидание и тревога настолько, что я уже несколько Лун не могла сомкнуть глаз.

Я молилась за него, просила Бога вернуть его живым и моим. Моё лицо было накрыто вуалью слёз. И под этой вуалью я уснула.

– Я пришёл вместе торжествовать с тобой твою победу в нашей Великой Битве, мой дорогой племянник! – услышала я сквозь сон незнакомый мужской голос, приводящий в дрожь, словно удар грома.

– Только благодаря тебе мы показали моему Брату Его ни-

чтожность перед Тьмой.

Я пытаюсь резко вскочить и открыть глаза, но моё тело меня не слушалось, как парализованное. Неужели, Велиар вернулся? Ведь именно с ним говорит незнакомец. Кто владелец этого голоса, что доносится из нашего дома, точно змеиный шёпот?

– Я представляю себе Его лицо, когда Он увидел, как Вирсавия – Его последнее творение, которое несёт в себе Его Божественную Клятву, стала Невестой Тьмы и совсем скоро потеряет весь свой Божий Свет, благодаря твоему контролю над её разумом, душой и сердцем, – упиваясь, говорил всё тот же тон.

Неужели, в наших покоях сейчас сам Божий Брат и Он благодарит Велиара за исполнение их великого Тёмного плана? Я не успела догадаться, как моё сознание отключилось, словно свет, погашенный грубой рукой. И в себя я пришла только утром, видя в лучах рассвета нашу одинокую постель, напоминающую холодную могилу. Я успокаивала себя тем, что всё это мне приснилось, и всё это просто дурной сон. До тех пор, пока не обнаружила, что Велиар уже давно дома и сейчас он сидит в одиночестве под одной из скал, как отшельник.

– Как давно ты вернулся?

– Не важно. Я скоро опять уйду.

Я хотела обнять его и бросилась вперёд, но он жестом остановил меня, будто ледяной стеной.

– Излечи моих воинов. Быстро.

Я предательски сделала шаг назад, почти как от удара.

– Что происходит, Велиар? – спросила я сквозь ком в горле, задыхаясь.

Он яростно посмотрел на меня и, воспользовавшись своей старой привычкой, исчез в густоте Тьмы, избегая диалога.

Весь день я излечивала его солдат, выполняя свою супружескую клятву помощи мужу. А вечером, когда зашла в наши покои, застала Велиара с красным вином и разбитыми сосудами на полу, и это напоминало поле брани.

– Позволь мне коснуться тебя – начала я, жалобно вымаливая у него разрешение исцелить его, словно нищая, просящая милостыню.

Но Тьма уже взяла верх над моим мужем.

– Сядь. – Приказывает Велиар, резко оказавшись сзади меня и грубо беря меня за плечи, вдавливая мои ноги в низ.

Я хватаю его руки своими дрожащими ладонями и пытаюсь убрать их от себя. Тёмный сдавливает свои пальцы ещё сильнее, давая понять, что мне некуда деться. Моё тело охватывает озноб пылающего жара. Он наклоняется к моему уху, пока я всё ещё пытаюсь вырваться.

– Я не люблю тебя, Вирсавия. – Громко, отчётливо и жестоко произносит мой муж.

Я останавливаю свои движения, шокировано замерев. В голове раздаётся оглушающая тишина. Я понимаю, что в этот момент сдавливаю его руки впиваясь в них своими ног-

тями, несмотря на то, что Велиар уже ослабил свою хватку. – Никогда не любил. – Спокойно добавляет он, перейдя на шёпот.

Я непонимающе перевожу свой взгляд в его сторону, судорожно расцепляя свои пальцы и отпуская его.

Супруг спускает свои руки по моим плечам вниз, будто поглаживая их. Он обходит меня и садиться напротив, так близко, что мои колени оказываются зажатыми между его. Велиар касается моей щеки рукой и поворачивает моё лицо к себе, а затем фиксирует его, удерживая уже двумя руками. Я смотрю на него, но не вижу. Передо мной расплывается образ того, с кем я разделила свою жизнь и назвала любимым и того, кто в любви никогда не нуждался.

– Ты – Сила, которой мне не хватало. Сила, которую я жаждал. – Твёрдо признаёт Владыка Тьмы в своём откровении.

Два его совершенно разных очертания перед моими глазами соединяются в одно. Тьма.

– Господь оставил меня в борьбе за твою душу – Отчаянно, как молитву, произношу я, чувствуя во рту вкус собственных слёз.

Велиар наклонился ещё ближе ко мне, затем расплылся в улыбке. Он рассмеялся прямо в моё лицо.

– Неужели ты всё ещё веришь в своего Бога? – Спрашивает он, не прекращая свою насмешку. – Свет, чистота, праведность. – Падший отдаляется, отпуская свои руки и тут же

обхватывает правой рукой меня за горло и снова придвигает к себе. – Для кого ты молишься? – Крича спрашивает он, сменив свой смех и улыбку на горящее яростью выражение лица. – Что изменят твои обращения к Нему? – Продолжает Владыка Тьмы, перекрывая удавкой своей руки моё дыхание. – Заставят меня полюбить тебя на рассвете после твоей вечерней молитвы? Так ты себе это представляешь? Будто однажды, на рассвете, я сорву белые цветы в саду какой-то несчастной пожилой женщины и вернусь к тебе со словами: «Я прозрел, дорогая! Ты спасла меня! Давай станем обычными людьми и начнём жить заново!». – Продолжал он выкрикивать, выплёвывая в меня каждое слово, показывая, как беспощадно все мои желания были перевёрнуты и растоптаны им самолично.

Велиар обхватывает мою голову сзади за волосы и встает, ткнув за собой так, чтобы я не отводила от него свой взгляд.

– Мы никогда не сможем жить заново. Никто не сможет! – Он откидывает свою руку от меня и встает в полный рост, смотря сверху вниз. – Вся эта чушь про озарение и искупление лишь для убаюкивания голосов Дьявольской совести в голове грешников. Нет никакой следующей новой жизни и перерождения, у нас с тобой так тем более! Нам тысячи лет. Мы не можем умереть, также, как и не сможем заново родиться. Мы - тонный шлейф нашей истории, который тянется за нами, от которого не избавиться. Он собирает за

собой всю грязь наших поступков, все последствия каждого принятого решения и ни у одного Божьего, как ты говоришь, создания никогда не было и не будет идеально белоснежного шлейфа, даже у тебя. Потому, что ты смотришь со мной в одну сторону. Тебе нравится быть со мной, быть частью меня. И тебе безумно стыдно за это. Ведь ты – Светлая. Белая. Чистая. Невинная. Зачем ты пытаешься сделать из меня – себя? Это проявление настоящего эгоизма! И после этого ты сетуешь на то, что эгоист – я! Проведи уже эти параллели, которые не хочешь замечать и даже не смей отчитывать меня за то, в чём сама повинна! Ты думаешь, что ты воплощение правильности. А я думаю, что ты просто отказываешься признавать то, что можешь стать полноценной частью Тёмной стороны. Боишься замарать свой ангельский белый, ведь знаешь, что вернуть его былой незапятнанный вид уже никогда не сможешь.

Я не могла говорить. Мне казалось, что я ничего больше не могу.

– Мне нравится наблюдать за тем, как ты страдаешь в своей маяте. Ищешь способ спрятаться от себя настоящей. О, как возрастёт твоя Сила в тот момент, когда ты примешь всю свою Тьму! Это будет прекрасно. И я буду наблюдать за этим изнутри тебя, ведь мы, как там говорилось в выдуманном тобой обряде? – Едины, отныне и навсегда, муж и жена. – Сказал он, переходя на мягкий передразнивающий тон. – А знаешь, какой твой самый ужасный поступок? Какой грех тя-

нется за тобой с того самого моста вместе со свадебным одеянием? Ты обрекла всех людей на нашу участь. Все потомки – мужчины и женщины, повторившие наш обряд, обречены на противостояние между друг другом.

Эта фраза разделилась на два кинжала. Первый вонзился в мою голову, в сознание, рассекая абсолютно все мысли о том, какой смысл я тогда предавала этому обряду. Второй же, вошел в сердце. Лукавая улыбка Дьявола повернула рукоять, ставшую жестом начала моего убийства.

– Мы могли породить совсем иную Силу, если бы ты позволил мне! Наш ребёнок, он бы исправил всё, что мы совершили, положив своим появлением конец нашей войне! Он изменил бы тебя, а следом и искоренил бы и всё Тёмное, что есть в этом Мире!

– Если бы у нас родился ребёнок, несущий в себе Свет, я бы убил его в ту же секунду.

Я видела бездну, в которую смиренно шагают умершие, повязшие в Тёмном, души. Теперь эта бездна образовалась и в моём сердце. Она сочилась чёрной, не алой кровью. И кровь эта тоже, на удивление, принадлежала мне.

– Я не буду просить прощения за то, что освободил твою нежную душу от иллюзий своей святости таким грубым образом. Уверен, пройдет время, и ты сама будешь простить меня быть с тобой ещё грубее. – Обходя меня сзади и с словно ласково положив руки на мои плечи говорит он. – Любимая. – Издевательски добавляет Владыка Тьмы.

В этот момент я оглохла. То, наполненное самым светлым чувством слово, которое я так желала слышать из его уст, стало убийственным. Чужим. И от этого чужого мне Велиара я убежала.

Этой ночью я скрывалась в покоях своего Цветущего Сада на территории своих владений.

Я не спала. Я просто лежала с закрытыми глазами и твердила одну и ту же молитву о том, чтобы все, что произошло сегодня, всё ещё было тем Змеиным сном. И тут, прерывая ночь, его руки скользнули по моим бёдрам, а губы обжигали шею.

– Не смей трогать меня, Велиар! – Кричу я, в оцепинении дрожи и отбиваясь от его прикосновений. – Ты моя. Ты принадлежишь мне. Я смею делать с тобой всё, что захочу.

Я чувствую исходящий от него запах опьяняющих разум курительных трав, вперемешку с крепкими напитками.

– Велиар! Нет! Умоляю! – Воспеваю я к его милости, лишая тишины последний невинный уголок у самого Рая.

– Кричи. Твои вопли – как хворост в пламя моей страсти. Его грубые пальцы, словно когти хищника, рвут на мне одежду, безжалостно обнажая тело, словно жертву.

– Пожалуйста! Прошу тебя!

Но он слышал только своё желание.

Владыка Тьмы прижал меня к ложу, подняв мои руки вверх за голову и крепко держа их одной своей рукой. Второй же он развел в стороны мои сомкнутые в напряжении и

сопротивляющиеся его движениям ноги.

Мне удаётся на миг вырваться из его хватки и приподняться вверх, я вонзаюсь ногтями в шрамы на его лице, в ответ на это слыша его разъярённый звериный рык. Затем, Велиар замахивается и ударяет меня по лицу. Я падаю, теряя контроль над ним.

Той ночью Велиар совершил акт насилия не только над моим телом, но и над моей душой.

Глава IX: Я разрушу мост

Я пришла в сознание, когда он ушёл. Моё тело, ранее покрываемое им только поцелуями, теперь было покрыто синяками от его касаний.

Я закрывала себя полотнами ткани и скорчивалась от боли. Весь мой дом оглушил вой, что исходил часами изнутри меня.

Я выла о том, что он совершил, и о том, чтобы он никогда больше ко мне не приближался. Каждый шорох казался поступью его приближения, каждый звук – предвестником Тьмы. Я возносила молитвы, чтобы Велиар был как можно дальше, в самом пекле своей проклятой войны.

Дни тянулись, словно столетия. Его воины, полные неловкого сочувствия, робко предлагали помощь, но я осыпала их проклятиями, отправляя прямиком к их Дьяволу. Никто и никогда не видел меня в таком состоянии, не слышал слов, полных такой ярости и отчаяния.

У меня не было сил смыть с себя всё то, что он со мной сотворил. Лишь одно желание пульсировало в моей голове – лишить его Тьму того, что она у меня украла. Не осталось веры в общую Силу, в общее будущее, в общее дитя. Теперь я вижу один исход: лишь я и он, стоящие по разные стороны пропасти.

Видит Бог, я хотела порости травой, срастись с землей и

вдавиться в нее, чтобы ты приняла меня, как приняла бы сейчас мою боль Мать. Я лежала в своей личной Тьме ровно до того момента, пока не услышала, как радостные крики Легиона громко начали воспевать победу, с которой, видимо, только что вернулись вместе со своим Предводителем.

И только тогда я решила подняться. Облачившись в тот самый чёрный цвет, я направилась к мосту. Дождь хлестал, как слезы Небес. Холодный ветер вторил буре, бушующей внутри меня. Хиддекель ревела, словно дикий зверь, выпуская на волю ярость, разъедающую и мою душу и плоть.

Я была готова сражаться за него, до последнего вздоха. Но он предал меня. И единственное, что оставалось моей преданной душе – уничтожить все, что мы так и не смогли создать вместе.

Едва я вознесла руки к Небесам, собирая Силу Воды, как рядом возник он.

– Тронешь, и я сломаю тебе руки, – прорычала я яростно, сразу же останавливая всё возможное и невозможное, что может сделать со мной Владыка Тьмы.

– Что с тобой, Ведающая? Откуда в тебе всё это? – В голосе Велиара звучало удивление и тревога.

– От твоей Тьмы, которой ты меня одарил.

Я собрала всю свою Силу в Водах всех трех Истоков, земля под Реками задрожала.

– Вирсавия Ты говоришь, как я. Выглядишь, как я. Поступаешь так, как поступил бы я.

– Не этого ли ты хотел, когда рассказывал мне о прекрасной Силе Тьмы, которую я должна принять? Смотри, Велиар. Я стала тобой.

Я говорила холодно, отводя взгляд. Мой разум был поглощён лишь разрушением, которое я призывала своей Силой.

– Я дал тебе Силу жить, – продолжал Велиар, словно пытаясь отвлечь меня. – Без меня ты была бы всего лишь одной из Божьих выдумок, пустой оболочкой, никем.

И в этот момент из моих Истоков поднялась гигантская стена воды, готовая обрушиться на Тьму. Я была готова кинуться в бой, затопить Тёмный Исток Силами Света, понимая, что это будет долгая, изматывающая борьба, в которой выживет лишь один из нас. Но я должна была попытаться.

Однако, Дьявол успевает откинуть меня от места действия, и так я обнаруживаю себя в его Темной, ядовитой реке.

Его выбор сделан. Он решил отравить меня. И, вероятно, решил это уже давно, зная, что из его, любимых мною рук, я выпила бы и яд, свято веруя в то, что это сладкий нектар вечной любви и жизни.

– Ты не можешь заглушить Хиддекель и забрать у меня Силу, глупая Ведающая. – Говорит Велиар, стоя где-то позади.

Он толкнул меня на незначительную глубину, прямо сейчас я могу встать и делаю это немедленно.

Уже не имеет значения, касалась меня Тёмная Вода или нет. За то, что он касался меня своей истинной Тьмой, я всё

ещё могу отомстить и для этого не обязательно мне нападать на его Исток. Я могу сделать нечто иное.

– Я заберу у тебя то единственное, что ты по-настоящему любишь. – Шепчу я, поняв, что, же, на самом деле, решила.

Я медленно иду к тому месту, где все четыре Реки берут своё начало, вставая у самого моста. Мои руки решительно опускаются вниз, рассекая Воду и доставая до самого её дна. Первый и последний раз, пока я всё ещё жена Тьмы, я воспользуюсь своими данными мне им Силами и использую и их помощь в своём действе.

"Сила Прощения Господа, ниспосланная смертным,
С этого мига, останови свой бег!

Воды Рек, я провозглашаю вас бесплодными,
Дабы Силой вашей никто не смог завладеть вовек!
Все блага, что утекли – да пребудут,
Насыщенная Любовью Его Святой.

И пусть всё, что люблю, от меня отступит,
Во спасение в Свете.

Цена тому – покой.

Я Истоки от Тьмы навеки очищаю,

Иначе её не унять, не сломить.

Отцу, Создателю, возношу и воспеваю,

И Клятву Божью молю в жертву принять, чтобы всё искупить".

– Вирсавия, что ты творишь? – донесся издалека глухой, как эхо из преисподней, голос Дьявола.

Я отпустила Воды всех рек Эдема, направив их Силу на объединивший нас мост, чтобы развести его в разные стороны, навсегда разделив нас. Разрывая его на части, разводя в разные стороны, обрекая на вечную пропасть. Четырьмя яростными стихиями он рушится в бездну, смешиваясь с брызгами, Водой, осколками камня и пылью. Казалось, еще немного, и я расколю вместе с ним и само Небо, чьи облака стали подобием каменных глыб. Они сравнивают это место с пустотой, погребут Истоки и станут нашими могильными плитами, навсегда остановив нас.

Лишь тогда я повернулась к нему. В глазах Велиара бушевал пожар ярости, зрачки, затянутые пеленой Тьмы, не отрываясь, следили за уничтожением всего, что привело нас к слову "мы".

И тогда тот, кто был мне мужем, заключил меня в свои прощальные объятия, полные невыразимой боли, превосходящей всякое понимание.

Его беспощадная рука вонзилась в мою спину, ломая ребра.

– Тогда я дам тебе то, что вечно будет напоминать тебе обо мне. – С этими словами вторая его рука обхватила мою шею сзади. Тьма проникла в меня, застилая глаза. Он прожигал меня изнутри тем же пламенем, которым когда-то даровал жизнь и вырывал из рук Смерти по желанию собственной тогда ещё души.

– Я обещал, что не причиню тебе ту боль, которую ты не

сможешь пережить. Но поверь, ничто не сравнится с той болью, которой я одарю тебя сейчас.

Он нащупал мой хребет, сжав его одной рукой посреди спины.

– Отныне и навеки ты будешь ощущать боль, которую не излечит ни один Исток. И так будет каждый раз, когда я окажусь рядом, – произнес он ледяным голосом, переламывая пополам мой позвоночник.

Мы смотрели в глаза друг другу. Только от наших прежних глаз ничего и не осталось.

– А теперь, иди к людям, о которых так печется твое сердце. – С дрожью продолжила Тьма. – Но запомни, ты никогда не сможешь дать им то, что им нужно. Ибо люди никогда не знают, чего хотят. Они отнимут всё. Все, что ты хочешь им дать, и все, что ты никогда не сможешь иметь. Даже если ты будешь жалеть, любить и заботиться о них, они возненавидят тебя за то, что ты делаешь для них, и за то, чего сделать не сможешь. Твои люди предадут тебя. Разрушат твою веру. Это будет больнее, чем мои поступки по отношению к тебе. Ибо, в отличие от людей, я никогда не притворялся тем, кем не являюсь. Никогда не скрывал от тебя Тьму своей души.

Велиар швырнул меня в бушующие Истоки. Я ударилась о стену Вод Хиддекель, чьи воды вышли из берегов. Собрав последние силы, я призвала мощь своих Рек. Они укрыли меня, обернув в кокон из волн, и быстротечно унесли вниз по течению.

Так он отпустил меня.

Глава X: Так тянулись века

Моё тело всё исписано
Древним самым языком.
Им вся жизнь моя описана,
А описывал её Он.
Тайными мёртвыми знаками,
Вдавленными через шрамы.
Они с кровью на землю капали,
Отражая на ней похожие раны.
Я просачивалась в водоёмы
И текла вдоль всех берегов:
До тех, что мне незнакомы,
От тех, что таили врагов.
Я была нигде и повсюду.
Продолжала жить и не быть.
Я всегда была. Я всегда буду,
Чтобы Он вновь смог меня испить.

Так Истоки перестали источать свои Силы и нести их людям. Три Реки остановили своё движение, перемешавшись с четвертой. Больше никто не выпьет Божественной Воды, не исцелит себя, ведь единственным источником и свидетелем Силы Божественных Рек теперь являюсь только я.

Когда-то, в забытой богом дали, моё измученное тело выбросило на берег, скованный первыми льдами. С этого дня

начался отсчет моей новой, проклятой жизни. Жизни женщины, преданной мужем и отвергнутой Отцом. Ведь Бог так и не помог мне, не ответил ни на одну молитву и не ответит на неё до самого конца моего повествования.

Я была парализована и не могла двигаться до тех пор, пока моя спина не срослась естественным образом через очень долгие и бесконечные дни. Едва мне удалось двигаться, я продолжила бежать. Хотя, первые мои шаги нельзя назвать шагами. Я ползла. Я пряталась в лесах. В горах. В самых непредназначенных для жизни и забытых Богом местах. Я знала всё о природе и её дарах, с самого детства умела жить под Небом, потому такой образ жизни и стал для меня самым верным. Я уходил так далеко, как только позволял Мир. От него, от его проклятия, от всего, что связано с ним. А он бежал за мной. Я знала это. Я видела это в каждом своём сне, в каждом шорохе, в каждом наступлении ночи.

Я занималась собирательством. Питалась растениями. И мне было этого достаточно. За всю свою жизнь я и не думала убить хоть одно живое существо, даже если бы его жизнь стала ценой моей. Даже когда Велиар приносил в наш дом мясо, я никогда не ела его. Через муки совести и молитвы о прощении, я научилась его готовить для своего супруга. Но через слезы и мольбу просила его не заставлять меня отнимать жизнь и не учить убивать.

Спина перестала болеть через несколько зим. Однажды, в отражении одного озера, я заметила, что на месте перелома

остались шрамы. Четыре полосы от его пальцев, что разломали мою плоть. Как Четыре Великих Истока, которыми мы были. Их не могли излечить ни время, ни Вода. Всё, что я могла сделать с ними, это скрыть. Спрятать под множеством слоев плотных тканей, которыми обмотала себя от шеи до бедер.

Почему я выжила? Он не смог убить меня. Или не захотел. Почему я до сих пор была жива? Во мне текла сила Вод Исцеления, ускоряющая восстановление, но не облегчающая страдания. Совсем нет. Каждая клетка моего тела умирала от боли, которую мне и обещали. И единственным свидетелем того, что моё сердце всё ещё может биться, становилась пульсирующая на безымянном пальце правой руки вена, что освободилась от оков кольца, символизирующего мой союз с Тьмой. Оно исчезло, также, как и всё то, что было до в тот момент, когда Вода унесла меня из нашего дома.

Я могла пойти туда, где мы были с Бабушкой. Жить с добрыми людьми, в чьи поселения мы разносили Божью Воду. Но именно туда бы он и отправился, чтобы найти меня, ведь именно про мою любовь к людям он говорил, сжимая в своей руке мою жизнь. Он гнал меня к ним. И предупреждал о том, что именно люди добьют меня. Могла пойти туда, где была с Велиаром в его путешествиях и прятаться там, зная, что дважды в одно место он без надобности не вернется. Но я выбрала идти туда, где ещё не была. Я стала диким зверем, загнанным в угол, где в моей душе разгорелась вечная битва

Света и Черноты. И Тьма, казалось, брала верх, окрашивая мои мысли в свои мрачные тона. Каждый шаг был просчитан, каждое решение - холодно и безжалостно. Моей единственной целью стало выживание, ведь жить я вряд ли когда-нибудь снова смогу.

Тебе, мой милый читатель, незачем знать пошагово историю всех моих скитаний. Поверь, если бы я описала весь тот период, то каждая страница этой летописи была бы пропитана болью, страхом и горьким пеплом смерти.

Тебе нужно знать лишь то, что я старалась долго нигде не задерживаться и не жить среди людей. Я выбирала потаенные места и старалась не попадаться им на глаза вовсе. Но, несмотря на это, я встречала множество смертных, от которых бежала, как от огня. Мне нужно было исчезнуть быстрее, чем тот человек сделает вдох. Бежать и прятаться, боясь и судорожно дрожа.

С собой я несла Силу Рек, заточенную во мне. Своим прикосновением к простой воде, я могла наделить её одной из трёх Сил. Но я этого не делала. Потому, что каждый появившийся новый Источник или каждое Божественное дело становилось оставленным мной следом, по которому Тьма искала меня всё это время. Он искал.

Мои ноги прошли множество земель, уши слышали симфонию множества чужих языков. Я хранила молчание, словно обет, и не пыталась кому-то помочь, даже когда душа рвалась на части от сострадания, которое, на удивление, во мне

ещё иногда появлялось.

Мой путь был долог, болезнен и лишен всякой молитвы, так как отныне спасти себя могла только сама я.

Именно так тянулись мои века.

Глава XI: Там, где всегда утренняя свежесть

Так я однажды добралась до места, где почувствовала аромат свежести. В весеннем рассвете и светлом тумане я шла на знакомый запах. Сквозь аллеи, я пробиралась, словно вор, до того места, что манило меня к себе. Белые цветы, точно те же, что плыли по Реке. Это сейчас у них есть название, которое дали люди, для меня же они навсегда останутся символом «предвкушения и хрупкости».

Я спустилась на колени, обняла своими ладонями белоснежный, влажный от источающихся капель росы бутон, едва распустившейся кустовой розы. Не помню, на что похожи слёзы счастья. И плакала ли я когда-нибудь от счастья? Кажется, сейчас я чувствую, на что именно похожи эти слёзы. Они как летний утренний дождь, умывающий каплями прохладной свежести.

Вся тревога ушла вместе с моим вдохом аромата, не смотря на то, что я уже была не одна. Мальчишка, лет шестнадцати, в тёмно-зелёном одеянии, расшитым золотыми узорами, стоял неподалеку от меня. У него были коричневые волосы, собранные в хвост и точно такие же коричневые глаза с прикрывающими их длинными ресницами, смотрящими вниз. А позади него стояли подобные ему люди. Юноша вниматель-

но посмотрел на меня, а затем начал что-то говорить. После каждой его фразы, окружающая его свита, опускала свои головы вниз и склоняла их перед ним. Скорее всего, он имеет отношение к дому, правящей этой страной, семьи. Ко мне подбежала какая-то женщина. Сначала она также, как и все, поклонилась этому юноше. А затем повернулась в мою сторону и начала что-то весьма волнительно требовать от меня, что было понятно, исходя из интонации её обращений. Я лишь опускала свою голову ещё ниже.

Что я могу ещё сделать? Впервые за длительное время у меня нет ощущения, что я должна бежать. Нет ощущения, что скоро меня настигнет опасность. Наоборот. Моё тело сдаётся и расслабляется, будто точно уверено в том, что здесь я смогу быть в безопасности. А, может быть, просто именно сейчас я просто готова умереть от рук человека. От этой мысли я устало улыбнулась.

Неожиданно, голос женщины прервал другой – мужской. Голос того самого юноши. Вслед за его коротким спокойным словом, последовали такие же спокойные шаги, направленные ко мне.

– Нуна? – Вопросительно произнёс он.

Я обняла свою шею ладонями, зажимая большими и указательными пальцами горло, после чего медленно повела головой с правой стороны в левую, давая понять, что я не могу заговорить.

Мальчик улыбнулся. Он будто вдумчиво осматривал меня

в то время, как я смущённо спускала свой взгляд всё ниже и ниже к земле.

– Чан Ми. – Радостно сказал юноша, протягивая мне в руки один из маленьких бутонов белых роз, что только что сорвал за моей спиной с того самого куста, у которого я сидела.

Стоит ли мне поднять свою руку, чтобы принять этот цветок? Стоит ли мне поднять свои глаза и посмотреть на него? Наверное, чтобы ответить на первый вопрос, я должна без сомнения выполнить второй. Я несмело подняла свои глаза вверх, медленно, словно скользя по тонкому льду. И я поднимала свои глаза выше и выше, пока не встретила с его взглядом.

Какой смысл в моём голосе, если я не знаю языка этой страны?

Символы, которыми они изображают свою жизнь, отпечатывая её в истории, не несут мне никакого смысла. Я чувствую души этих людей. Их культуру. Умею радоваться вместе с ними расцвету цветов на деревьях и грустить вместе с ними с наступлением холодов. Эта земля похожа на мой дом. Но, как и на Земле Эдема, сюда тоже уже могла просочиться Тёмная Вода.

В его глазах плескалось нечто, похожее на отражение лунного света, что-то спокойное и родное. В этом взгляде не было ни осуждения, ни любопытства, лишь тихая констатация факта, словно он видел во мне не бродягу, не иностранку, а потерявшуюся часть самого себя. Мое сердце, уставшее от

скитаний, вдруг забилось ровнее, как нашедший приют путник у костра. В его улыбке, мимолетной, как дыхание ветра, я увидела обещание, будто бы он знал ответ на вопрос, который я даже не успела сформулировать.

Я протянула руку и приняла цветок. Его лепестки, прохладные и нежные, коснулись моей ладони, как благословение. Запах розы, тонкий и пьянящий, проник в самую глубь моего существа, смывая накопившуюся усталость и страх. В этот момент я почувствовала связь, нить, соединяющую меня с этим местом, с этим юношей, с этой жизнью. Сорванный цветок увядает, оторванный от корней человек умирает. Но, может быть, именно здесь, в этой чужой, но такой притягательной земле, я смогу пустить свои корни.

Внутри меня разгорелся крошечный, но яркий огонек надежды. Надежды на то, что я смогу понять этот мир, его законы, его язык. Надежды на то, что смогу стать частью этого полотна, сотканного из их личных древних традиций и новых веяний. Надежды на то, что этот юноша, с глазами цвета тепла, станет моим другом.

В моем взгляде была лишь благодарность и тихая решимость. Я не знала, что меня ждет впереди, но я знала, что больше не одинока. В этом дивном саду, среди белых роз и загадочных незнакомцев, я, наконец, почувствовала себя дома.

С тех пор и теперь для них я немая служанка Императорского Дома, которую нашел и сохранил жизнь Юный Импе-

ратор, что только что потерял отца и сел на свой законный трон, а имя его Хван Жи Су.

Первыми словами, которые я поняла и запомнила, стали слова: Император, чай, быстрее, поклонись, встань, уйди. Мне было ясно, чего от меня требуют и этого было достаточно. Я понимала общую картину и настроение слов, но не решалась на их употребление в собственной речи, так как мне ещё не хватало понимания самой структуры языка. Это не делало мою речь честной. Она была бы грязной, имела бы множество искажений реальной сути моих истинных слов. Лучше сохранять немое молчание, чем совершить ошибку, пытаясь говорить.

Мне нравилось жить здесь. Я была благодарна тому, кто приютил меня и платила ему своей верностью и исполнительностью. Ведь лучше всего, что я умею делать - это трудиться. И этим тоже это место было похоже на мой дом, о котором я с того момента и во все века скорбела. Здесь были свои законы. Свои Боги. Но здесь не было зла, которое до этого места было со мной повсюду.

Мальчик быстро вырос, постоянно тренировался искусству боя, слова и традиций. Когда он видел меня, каждый раз приветливо улыбался и кричал "нуна", не смотря на то, что дал мне имя Чан Ми, как это выяснилось позже. Он всегда просил, чтобы чай ему готовила и приносила именно я, чтобы именно я следила за его покоями и вещами. Некоторых служанок, которые хотели заполучить власть через лю-

бувь Юного императора, это приводило к зависти и гневу в мой адрес. Однако, их проказы были слишком мелкими, чтобы я стала гневаться на них в ответ. Нет ничего в том, что мне проткнули обувь или порвали платье. Всё это я могу решить, не обратив на них никакого внимания.

После работы во дворце, я гуляла по лесу ближних окраин и собирала травы, чтобы изучить их действие и применить во благо. Ночами я пыталась научиться использовать их инструменты для письма. Не смотря на то, что писать я уже умела, их техника мне тяжело давалась, поэтому, иногда я писала свои воспоминания на языке, который знала. И именно это стало моей ошибкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.